

№5

Май 2013

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДZE
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДZE
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДZE
Гига ЛОРДКИПАНИДZE
Отар МЕГВИНЕТУХУЦЕСИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДZE
Гулбат ТОРАДZE
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Евгений ТАБАЧНИКОВ
Александр ЭБАНОИДZE

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№5⁽⁹¹⁾
Май 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 НЕБЕСНЫЙ ГОСТЬ НА ЗЕМЛЕ
ИА БАГРАТИОНИ-МУХРАНЕЛИ
- 10 НОСТАЛЬГИЯ ПО ЛЮБВИ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 13 ЕСЛИ ХОЧЕШЬ УСЛЫШАТЬ АНГЕЛА
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 18 КЛЯТВА НА ВСЮ ЖИЗНЬ
НАТАЛЬЯ ГЗИРИШВИЛИ
- 20 ФРИЦ
ВАЛЕРИАН РОГАВА
- 24 ОБЕЛИСК
- 26 РАВНЕНИЕ НА ФЛАГ
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 30 «ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 36 СПИЧЕЧНЫЙ КОРОБОК
ЛАНА ГАРОН
- 40 В ОЖИДАНИИ МАЙСКИХ ГРОЗ
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 42 КАК СОЗДАВАЛСЯ «ПИРОСМАНИ»
ИРИНА ДЗУЦОВА
- 44 К ЧУДЕСАМ НЕВОЗМОЖНО ПРИВЫКНУТЬ
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
- 48 ОТКРОВЕНИЕ РУССКОГО ПОЭТА
МУРМАН ДЖГУБУРИЯ
- 52 ЭТОТ СТРАННЫЙ МИР ТИМА ЧИГИРИНА
ВЛАДИМИР СЛИВА
- 54 СОЧИНИТЕЛЬСТВО БЫЛО ЕЕ СТИХИЕЙ

На обложке – Вербное воскресенье
Фото *Александра Сватикова*

от ДО

ВНАЧАЛЕ БЫЛ СВИТОК

1145 лет назад была напечатана первая книга. Именно напечатана, потому что рукописные книги человечество знало за несколько тысячелетий до этого. Это был буддистский текст «Алмазная сутра». Появилась эта книга в Китае, и на ее колофоне – последней странице – было написано: «С благоговением сделано для всеобщего бесплатного распространения Ван Цзе в поминовение своих усопших родителей в пятнадцатом числе четвертой луны года Сяньтун». Было это в 868 году новой эры 11 мая. Вот так китайцы опять оказались впереди планеты всей, потому что в Европе, как известно, первая печатная книга появилась в 1471 году в мастерской Гуттенберга. Представители буддизма были весьма прогрессивными людьми и использовали многие технические новшества с целью пропаганды своего учения. Печатные книги, подобные «Алмазной сутре», но более поздние, сохранились в монастырях и храмах Японии и Кореи. Творение полиграфиста Ван Цзе представляло собой свиток серой бумаги длиной почти пять метров, намотанной на деревянную болванку. Рисунки и тексты были нанесены методом ксилографии – прикладыванием окрашенной рельефной деревянной формы к листу бумаги. Вообще-то описания подобных типографских методов встречались у нескольких народов – и в Вавилоне, и в Древнем Египте, и в Греции, и в Древнем Риме. Но «Алмазная сутра» датирована с точностью до дня,

и ее можно увидеть в Британской библиотеке в Лондоне, как один из главных экспонатов. Сколько копий первой книги было сделано таким образом, точно неизвестно – вероятно, несколько десятков. Невзирая на новаторский способ тиражирования книг, они выглядели по старинке свитками. До привычных нам книжек, которые можно полистать, оставалось еще несколько столетий...

ДЕНЬ СОЛУНСКИХ БРАТЬЕВ

24 мая мы будем отмечать 1150 лет славянской письменности. Этот праздник, учрежденный Святейшим Синодом Православной церкви в 1863 году, установлен в день поминовения двух славянских просвети-

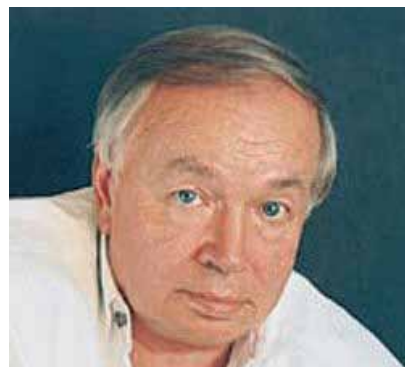

телей и святых – братьев Кирилла и Мефодия. Именно они создали славянскую азбуку и перевели духовные книги на славянские языки. Оба этих средневековых героя происходили из греческого города Фессалоники, из семьи высокопоставленного офицера. Словом, они были из хорошего рода, хотя историкам достоверно и неизвестна их национальность. Наверное, потому и считают их своими и греки, и болгары, и русские. Город Фессалоники или Солун был двуязычным, о чем свидетельствуют летописи того времени. И совершенно очевидно, что для братьев, которых в миру звали Михаил и Константин, славянский язык был родным – или одним из двух родных. Михаил поначалу сделал военную и государственную карьеру, а после был пострижен под именем Мефодия. Константин же занимался дипломатической работой и даже был направлен как-то в далекую ответственную командировку в Хазарию, где участвовал в легендар-

ном диспуте представителей трех религий. Судя по всему, братья неоднократно предпринимали попытки создания славянской азбуки на основе греческой, но применили ее окончательно во время миссии в Моравию в 863 году. Этот год и является годом создания славянской письменности. Незадолго до смерти Константин, принявший постриг под именем Кирилл, написал своему брату и сподвижнику: «Мы с тобой, как два вола; от тяжелой ноши один упал, другой должен продолжать путь». Солунских братьев почитают во всех славянских странах как просветителей, а святыми их считают обе Церкви – и католическая и православная. До сих пор неизвестно точно, какую именно азбуку они создали – глаголицу или кириллицу, равно как и нет у ученых единого мнения о том, были ли у них предшественники. В любом случае, труд Кирилла и Мефодия стал краеугольным камнем, на котором базируется вся славянская словесность.

ВОЗНЕСЕНСКОМУ – 80

Из глубины темной сцены, надвигаясь по пандусу прямо на публику, шел невысокий человек с гитарой, оглушая зал хриплым голосом: «В час прилива возле чайной я сидел в ночи печальной»... Так Москва впервые после фильма «Вертикаль» увидела вживую Высоцкого с гитарой.

И эта песенка – «Разговор с черным вороном» - быстро стала популярной среди мальчишек из московских подворотен, хотя ее автором был вовсе не он, а Андрей Вознесенский. Театр на Таганке был в те годы настолько популярен, что факт создания целого спектакля «Антимиры» по стихам одного-единственного поэта стал событием из ряда вон выходящим. Поэт, и без того достаточно популярный, стал известен всем.

Популярность Вознесенского поднималась с самого начала «оттепели». Она началась с поэтических вечеров в Политехническом музее и чтения стихов у памятника Маяковскому вместе с друзьями – Евгением Евтушенко, Робертом Рождественским, Беллой Ахмадулиной и Була-

том Окуджавой. Еще будучи четырнадцатилетним мальчишкой, Андрей отправил свои стихи Пастернаку, и тот очень серьезно и на равных общался с ним до самой своей смерти. Вознесенский был одним из самых принципиальных новаторов в технике стихосложения, став своеобразным наследником Велимира Хлебникова и Владимира Маяковского. За что и был неоднократно порицаем и гоним властями. Именно на него сорвался советский лидер Никита Хрущев, когда громил советскую интеллигенцию. «Не член партии! - бушевал Никита Сергеевич, прервав выступление поэта. - Нашел чем гордиться! А я вот – член партии!» Тогда не только Вознесенский, ошеломленно застывший на трибуне, но и все присутствующие в зале почувствовали холодок заморозков и ужаснулись возможности возвращения сталинских времен. Но к чести Хрущева, радикальных последствий не последовало. Вознесенский продолжил понемногу печататься. Мало того, хрущевское поругание стало для него своеобразной охранной грамотой. Все приезжавшие лидеры западных стран требовали предьявить им опального Вознесенского, чтобы убедиться, что он не в Сибири. Сам он этим не очень спекулировал и на лаврах не почивал – Андрей был самым настоящим «пахарь» и трудился не покладая рук. В этом месяце ему бы исполнилось 80 лет – его нет с нами уже три года. И мы будем вспоминать его как интереснейшего авангардного поэта, переводчика, и как автора чудесной песни «Я тебя никогда не забуду» из Ленкомовского спектакля «Юнона и Авось».

РАЙ ОМАРА ХАЙЯМА

18 мая исполнится 965 лет одному из самых великолепных умов Средневековья – великому поэту, математику, астроному, философу, гуманисту и веселому пьянице Омару Хайяму. На самом деле, его имя звучит так – Гиясаддин Абу-ль-Фатх Омар ибн Ибрахим аль-Хайям Нишапури. Это был светлолицый, голубоглазый перс из города Нишапур. Его коротенькие четырехстрочные рубаи – остроумные, язвительные, философские – разлетелись по всему Востоку как запрещенные песенки. Их удачно цитировали во время веселых застолий, с их помощью объяснялись в любви, их цитировали, когда надо было остроумно поддеть тупого и самодовольного человека. В них не было ничего религиозного – только радость жизни, ничего фривольного – но избыток чувственности, и в результате автор всю жизнь был у ханжей на плохом счету. Муллы проклинали его во всех мечетях, но все-

ррез с ним ничего поделывать не могли. Хайям носил духовный сан, блестяще закончил медресе и, в отличие от них, мог по памяти прочитать Коран с любого места как в одну, так и в другую сторону.

Он рано осиротел – от эпидемии умерла вся семья. Омар продал дом и мастерскую и отправился в Самарканд, где в то время находился культурный и научный центр. Там он прославился как выдающийся богослов, и его назначили преподавателем медресе, а также приставили присматривать за библиотекой. Кроме того, он стал придворным астрономом. В библиотеке Хайям продолжил изучение трудов европейских мудрецов – судя по всему он знал языки. Он написал три серьезных труда по алгебре, которые и по сей день не потеряли своей актуальности, а также, представьте, составил астрономический календарь, которым до сих пор пользуются в восточном мире как беспрецедентно точным. Но за ним крепко держалась слава пропойцы и развратника, и как его терпели великий визирь Низам ал-Мульк и сам султан Мелик-Шах, остается непонятным. Но факт остается фактом – при их жизни имама Омара никто не трогал. Но в свои поздние годы он подвергся гонениям. Ему пришлось оставить привычные места и отправиться в странствия, нигде не задерживаясь подолгу. Постоянные обвинения в безбожии заставили его уже пожилым человеком совершить хадж в Мекку – благочестивый поступок для каждого правоверного мусульманина. Отрывочные сведения о его старости дают понять, что в последние годы он работал преподавателем в родном Нишапуре. Его рукописных трудов не сохранилось. По легенде, единственный манускрипт с его автографом принадлежал лорду Астору и затонул вместе с ним на «Титанике» - не зря Омар Хайям говорил, что неприятности будут преследовать его и после смерти.

ТАМАРОБА

14 мая в Грузии традиционно справляют Тамароба – день поминовения легендарной царицы Тамар, с которой связан золотой век в истории грузинского народа. А нынешний год – круглая дата – со дня ее смерти прошло 800 лет. Впрочем историки до сих пор спорят, так ли это – некоторые указывают 1209 и 1210 годы.

Но авторитет Церкви расставляет все по местам. И не столь уж важна дата, когда речь идет о таком блестящем персонаже отечественной истории.

Тамара была дочерью царя Георгия III из рода Багратионов. Современники и летописцы описывают ее как очень красивую и мудрую женщину. Отец назначил Тамару соправительницей и наследницей, на престол она возшла совсем юной – в возрасте 18 лет. В условиях средневековой княжеской раздробленности это было очень непростым испытанием. Но ей хватило мудрости совершить несколько важных шагов – Тамара создала собор грузинского народа и аристократии и заручилась поддержкой влиятельных кланов, чтобы обуздать политических противников своего отца. При поддержке Церкви она стала строить вертикаль власти не столь привычными в те времена методами террора, а напротив, христианским терпением и прощением – за время ее правления не было ни одной казни, - но все же твердой рукой. Она подчинилась решению собора и приняла в мужья русского князя Георгия, которого Карамзин идентифицировал как сына Андрея Боголюбского. Георгий Андреевич сначала повел себя мужественно и совершил несколько удачных военных походов. Но, очевидно, характер у него был непростой, и Тамара потребовала развода. Георгий был изгнан, хотя и попытался вернуться, чтобы вновь заступить на престол силой оружия. Эта попытка не увенчалась успехом и он исчез – по слухам, уйдя в крестовый поход. А Тамара, чтобы не искушать судьбу, вышла замуж за друга детства, осетинского царевича Давида Сослана. Брак был очень удачным, Тамара строила дороги, монастыри, крепости, удачно расширяла границы царства, не прибегая к террору присоединенного населения. Период ее царствования был настолько блестящим, что авторитет Грузии среди соседей поднялся. Кстати, именно в ее эпоху была создана эпическая поэма «Витязь в тигровой шкуре». Где именно похоронена царица Тамар, неизвестно. Но, подобно легендарному королю Артуру, сказание гласит, что она не умерла, а просто заснула в золотом саркофаге и вернется, когда это потребует ее народу.

Роб АВАДЯЕВ

НЕБЕСНЫЙ ГОСТЬ НА ЗЕМЛЕ

▲ Католикос-Патриарх Всея Грузии Илия II

Воля Творца выявляется лишь в глубоко верующем и самоотверженном, беззаветно любящем, разумном человеке, наделенном духовным зрением видеть и чувствовать сердцебиение нации, провидческим даром предсказать его будущее.

Избранные славят и свой народ, аккумулируя самобытность, генетический код, национальную энергию, украшая одновременно и все человечество.

Такой личностью, чье сердце и разум вмещают боль всей страны, является Святейший и Блаженнейший, Католикос-Патриарх Всея Грузии, Владыка Мцхета-Тбилиси, Митрополит Цхум-Абхазский Илия II. Духовный пастырь Грузии, глава Грузинской Апостольской Православной Церкви, 35 лет достойно несет тяжелый крест не только духовного наставника нации, но и всего христианского мира.

Слово о Патриархе – лишь скромный отголосок огромной любви нации, боли и надежды, всего сделанного, прочувствованного, пережитого...

Читателю напомним лишь самые значительные эпизоды жизни, мозаику событий и зигзаги судьбы, составляющие духовный портрет этого великого человека.

4 января 1933 года во Владикавказе в спальню роженицы Натальи Шиолашвили, супруги Георгия Шиолашвили, глубоко верующего человека и достойного христианина, построившего храм, влетел голубь. Голубь оставался до тех пор, пока не родился Иракий Шилолашвили, будущий Патриарх Всея Грузии. Представитель древнего и известного горского рода Гудушаури-Шиолашвили, наш Патриарх с детства впитал традиции мужества и славы, преданности церкви горцев, охраняющих северную границу Грузии. С детства начался тернистый путь укрепления веры, познания Библии, любви к Богу и ближнему.

С 1957 года – с периода пострижения в монахи, начался трудный путь духовного очищения и служения Богу. «История Афонского Иверского монастыря» - тема его первой научной работы, блестяще защищенной в Загорске, в Московской духовной академии. Затем – научная степень кандидата богословия, возвращение на родину и духовная деятельность в различных уголках Грузии, Епископ Батуми-Шемокмеди, Цхум-Абхазский, первый

▲ Храм Святой Троицы и селение Казбеги

ректор духовной семинарии во Мцхета.

Молодой епископ ознакомился со святыми местами Грузии, изучал проблемы епархии и паствы, древнегрузинскую литературу, собирал вокруг себя молодежь, которая, протестуя против коммунистического духовного гнета, искала спасение в церкви.

Началась подготовка молодых, образованных служителей церкви, ставшая предпосылкой укрепления и роста ее международного авторитета.

25 декабря 1977 года по решению VII церковного Собрания Грузии 44-летнего Епископа Цхум-Абхазского Илию II в древнем храме Светицховели возвели на престол Католикос-Патриарха Всея Грузии.

Это период обновления и возвышения грузинской церкви, строительства и созидания, борьбы и концентрации воли, деяний, продиктованных любовью.

1 октября 1988 года по инициативе Католикос-Патриарха Илию II в Тбилиси открылась Духовная академия, которая стала «мостом между современной наукой и богословием», центром исследований и подготовки религиозных деятелей Грузии. Тогда, в результате борьбы с религией, имперского тоталитаризма и коммунистической экспансии, в Грузии действовало всего 48 церквей, остальные были осквернены, разрушены, отданы под склады, кинотеатры, дома культуры. Сейчас в Грузии свыше тысячи действующих храмов. Выросло количество епархий, основаны радио «Иверия», газета «Ведомости Патриархии», телевидение, восстановлены Гелатская и Икалтойская Академии, сиротские дома, высшая школа грузинского многоголосия, институт имени Андрея Первозванного, экологический вуз, христианские школы...

Строительство новых церквей, реставрация старых храмов, рост паствы, приток верующей молодежи, восстановление авторитета за рубежом – главные направления церковной политики этого периода.

Руководитель Грузинской апостольской церкви на международных церковных форумах, перед Патриархом Константинопольским неоднократно ставил вопрос о восстановлении автокефалии грузинской церкви. В 1990 году сложные переговоры завершились победой грузин-

ской церкви и ее главы, Автокефалия Грузинской Православной Апостольской Церкви была восстановлена и закреплена в утвержденной грамоте.

9 апреля 1989 года. Показательная экзекуция советской империи на проспекте Руставели в Тбилиси. Безоружные юноши и девушки, народ Грузии и силовое противостояние танков, спецназа, химическое оружие, саперные лопатки...

Незадолго до боины 9 апреля 1989 года у Дома правительства, перед молодежью выступил Католикос-Патриарх. Он призвал к молитве, его голос прерывался от боли и предчувствия беды, звал в храмы...

Катастрофа свершилась. Невинные жертвы – 22 человека погибших, 4000 отравленных химическими газами, первая брешь в монолитном здании тоталитаризма. Эти события дали толчок народному гневу. Началась всенародная борьба за независимость Грузии и выход ее из Советского Союза. В октябре 1990 года в результате всеобщих многопартийных выборов в Грузии к власти пришли представители национальной идеологии во главе с диссидентами и правозащитниками Звиадом Гамсахурдиа и Мерабом Костава. Началось строительство независимого государства.

22 декабря 1991 года. Вновь митинги на проспекте Руставели. Реванш партноменклатуры и вновь показательное наказание свободолюбивой страны. В результате – потеря исконных земель в Абхазии и Внутренней Картли, свыше 500 тысяч беженцев в собственной стране, тысячи погибших, сирот, бездомных... Тогда Патриарх в одной из пасхальных эпистол обратился к народу: «Как и испытания личности, так и испытания нации ниспосланы Богом для духовного обновления и возвышения. Сейчас мы проходим этот процесс, и я уверен, что с божьей помощью этот путь станет нашей духовной ступенькой к небу... Явления следует оценивать духовным оком, глубже анализируя нашу жизнь, бытие, как проявление духа, чтобы сделать правильные выводы... Одолейте себя и приготовьте в ваших сердцах трапезу очищения...»

23 ноября 2004 года во время торжественного открытия кафедрального собора Святой Троицы, вознесшегося в голубое тбилисское небо, Патриарх отметил, что несмо-

▲ На приеме у Католикос-Патриарха Илии II. Третья слева – Иа Багратиони-Мухранели

тря на огромные физические, нравственные потери, грузинский народ построил храм, ставший автопортретом нации, символом духовного обновления.

Каждое выступление Католикос-Патриарха Всея Грузии – программа действий и шаг к Всевышнему. Удивительно терпеливый и чуткий пастырь, никогда не теряющий самообладания, он становится суров и непреклонен, когда пытаются разрушить единство людей и церкви – тела Христова. Вот некоторые из его высказываний:

«Гораздо легче построить храм, восстановить экономику, нежели восстановить разрушенный храм души...»

«Бог, Человек, Отечество – вот божественный треугольник, который должен укрепляться любовью. Если ослабнет хотя бы одно звено – ослабнет сама любовь...»

«Как дух необходим телу, так церковь необходима духу. Когда дух покидает тело – тело умирает. Так умирает нация без Церкви...»

«Чем была бы Грузия без христианства? Мы защищали, боролись, отдавали жизни за христианство и христианство спасло нас...»

Для грузинского дворянства особенно дороги высказывания патриарха, посвященные царской династии Багратиони, грузинским монархам, среди которых много святых, будущему Грузии. На конференциях и научных симпозиумах выступления Святейшего и Блаженнейшего Илии II выделялись самобытностью и философской глубиной, точностью формулировок, эмоциональностью.

28 сентября 2001 года. Конференция «Путь к монархии».

«...Мы все хорошо знаем, Багратиони ведут свою родословную от святого великого царя и пророка Давида и его сына Соломона. Велики заслуги этой одной из древнейших династий мира... Эта конференция очень важна. Мы беседовали о роли династии в развитии христианства и о ее восстановлении в будущем. Наша задача заключается и в подготовке нации. Вы хорошо понимаете, что в том состоянии, в котором находится страна, в атмосфере перепалок и противостояния – это нелегко. И еще, очень важно, чтобы сами Багратиони были бы к этому готовы...»

На конференции в честь 70-летия Католикос-Патриарха и 25-летия восшествия на патриарший престол духовный пастырь Грузии сказал провидческие слова, обращаясь к дворянству Грузии:

«Тут много говорилось о Багратионах, грузинском дворянстве, их духовном вкладе в сокровищницу нации. Я хочу сказать, что Багратиони главного своего слова еще не сказали, они это сделают в будущем. Так что мы живем надеждой и ждем наступления этого счастливого дня...»

8 февраля 2003 г. Дворец молодежи, Тбилиси.

Особенно значимой была наша встреча в древнем храме Светицховели, во Мцхета, в резиденции Патриарха. 27 июля 2007 года.

На конференции «Багратиони известны...» Патриарх подчеркнул:

«Наша встреча состоялась в Светицховели – храме Животворящего Столпа, в котором многие грузинские цари коленопреклоненные молились о мире и благоденствии Грузии. Здесь мы еще раз осознали, что наше прошлое, наша культура, наша духовность зиждется на вкладе династии Багратиони. Они все делали для воссияния Грузии. Это непросто, они были и духовными отцами нации. Вы, госпожа Иа, сказали, что Багратиони – трагическая фамилия. Первенство всегда трагично. Избранник, лучший из лучших всегда является мишенью для нападок худших. И все же эта фамилия достигла духовного счастья. Я думаю, что благословление Давида и Соломона хранит вашу фамилию, ваш род. Это древняя династия, взрастившая святых и полководцев, ученых и поэтов, является скалой, на которой базируется наше прошлое, и несокрушимой твердыней для будущего, Всевышний назвал апостола Петра скалой. Поэтому я хочу преподнести вам серебряную икону...»

Новый толчок нашим надеждам дала воскресная проповедь Патриарха 7 октября 2007 года. Предложив нации идею конституционной монархии, Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх Всея Грузии Илия II сказал: «В нашей стране существует точка зрения об утверждении конституционной монархии. Объясню, что это значит. Это означает, что царь царствует, но не правит. Царь – это гарант единства страны и защиты каждого человека. Возможно грузинский народ в будущем воспримет эту идею и согласится с подобным устройством страны».

Велика была наша радость, потому что идея конституционной монархии вызревала в Дворянском собрании

▲ Учащиеся школы-лицея имени Нико Багратиони

Грузии более двадцати лет.

21 ноября 2007 года в молодежном центре Святой Троицы Католикос-Патриарх Всея Грузии, пришедший на II конференцию Дворянского собрания Грузии, подчеркнул:

«Сегодня исторический день. Еще раз проанализируем и подумаем о вкладе царской династии и грузинского дворянства в историю и культуру нации и церкви. Следует отметить, что все значительные явления, судьбоносные факты, постройки, шедевры культуры, все святые иконы, кресты, наши национальные и духовные реликвии созданы и сохранены в результате нравственного подвига дворянства, которое всегда поддерживало и стояло рядом с грузинской церковью».

Слова духовного пастыря Грузии всегда были и поддержкой, и надеждой для всего народа.

Удивительно многогранный и одаренный творец, он является не только главой Грузинской Апостольской Церкви, видным богословом христианского мира, но и иконописцем, глубоким знатоком грузинского многоголосия и хорального пения, композитором, написавшим полифонические произведения на библейские темы, инициатором строительства многих научных, культурных центров и вузов, автором философско-сакральной триады «Бог, Родина, Человек».

Мастерски владея тайнами фресковой живописи, вековыми традициями, он вносит в творчество мощный поэтический поток. Его живопись – это мышление цветом, молитва и сокровенная песня души, простая и возвышенная. Иконы Патриарха привлекают техникой, которая растворяется в произведении, подчеркивая главное – духовность. Такова Богоматерь – Мать всего человечества и Мать Грузии, прикрывшая божественным подолом свой удел, такими являются Давид Пророк, «Меч Мессии» - царь Давид Строитель, царица Тамар...

Когда смотрю на иконопись католикоса, в моем сердце звучит его музыка: «Боже святой», «Аве Мариа», «Санктум».

День 17 июня 2012 года был для меня и воспитанников школы-лицея имени Нико Багратиони особенно волнительным. Наш Патриарх в Соборе Св. Троицы обратился к пастве со словами: «Сегодня также благословляю дворянский лицей имени Нико Багратиони, директором

которого является Иа Багратиони-Мухранели, а духовным отцом школы – отец Георгий Гугушвили. Будьте благословенны вы и вся Грузия! Ваши ученики пришли с таким пожеланием: «Подарим друг другу радость!» Сердце ребенка осознало, что без любви ничего у нас не получится. Да благословит Бог наших детей, пусть их сердца наполнятся любовью!»

Во время каждой проповеди, бесед, встреч Патриарх призывает разделить с ближним горести, радости, печали, тяжесть креста, потому что, как говорил апостол Павел, жизнь человека подобна духовному кресту, вертикаль которого – стремление к Богу, а горизонталь – притяжение людей. Поэтому слова «Бог, Родина, Человек» стали и для него, и для нас символом веры и Троицы.

Большим праздником христианства явились торжества, проведенные в Грузии в честь 80-летия со дня рождения и 35-летия со дня восшествия на патриарший престол Католикос-Патриарха Всея Грузии Илии II в январе 2013 года. Всемирный Патриарх Константинопольский Варфоломей I, высшие иерархи христианских церквей, представители мусульманства, других вероисповеданий, гости из-за рубежа отмечали огромный духовный подвиг Патриарха в утверждении православия, сближения наций. Эта теза была краеугольной и во время торжеств в России во время вручения духовному пастырю Грузии Международной премии Фонда единства православных народов 21 января 2013 года в Храме Христа Спасителя в Москве, в Новоогаревской резиденции Президента России Владимира Путина, в Загорской Лавре Св. Троицы имени Святого Сергия...

До последнего дня жизни я и мои коллеги будем помнить удивительное тепло, любовь, заботу Патриарха. Он щедро дарит свою любовь людям и вновь наполняется ею, провидческим даром расчищает тернии на пути к храму.

Одни сравнивают его с горным орлом, Столпом Животворящим, другие с родником, третьи называют негасимым Светочем Православия.

Мне бы хотелось сравнить его с Ильей Чавчавадзе, Ильей Праведным, внесшим огромный вклад в духовную сокровищницу Грузии, и пожелать нашему духовному отцу здоровья и мира многие лета!

Иа БАГРАТИОНИ-МУХРАНЕЛИ

НОСТАЛЬГИЯ ПО ЛЮБВИ

«Театр имени А.С. Грибоедова из Тбилиси сделал настоящий подарок театралам – спектакль «Холстомер. История лошади» по мотивам повести Льва Толстого. И посвятил его памяти Евгения Лебедева и Георгия Товстоногова» - написала «Комсомольская правда» о коллективе из Грузии, принявшем участие в XV юбилейном международном фестивале русскоязычных театров «Встречи в России». Это стало возможно благодаря поддержке Министерства культуры и охраны памятников Грузии. Фестиваль «Встречи в России» был организован Министерством культуры Российской Федерации, Министерством иностранных дел РФ, Комитетом по культуре Санкт-Петербурга, Союзом театральных деятелей РФ (ВТО), Театром-фестивалем «Балтийский дом» и Фондом «Балтийский международный фестивальный центр» при содействии Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга, Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ и Фонда «Русский мир».

Когда в театре имени А.С. Грибоедова принималось решение о том, чтобы представить питерской публике спектакль «Холстомер. История лошади» (он был поставлен при поддержке Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб»), то высказывались известные сомнения: не слишком ли это рискованно, учитывая, что в памяти зрителей сохранилась легендарная постановка БДТ Георгия Александровича Товстоногова, в которой свою лучшую роль сыграл потрясающий

Евгений Лебедев. Но все сомнения развеялись, когда взыскательная публика Санкт-Петербурга бурными аплодисментами и криками «браво!» выразила свой восторг и свое признание гостям из Грузии, вновь прикоснувшимся к повести Льва Николаевича Толстого.

Режиссер Авто Варсимашвили предложил собственную инсценировку произведения. Когда читаешь рецензии на спектакль БДТ, то понимаешь, как остро воспринималась в ту эпоху – эпоху застоя – основная идея постановки: как убивают Холстомера человеческое тщеславие и расчетливость, как совершается насилие над личностью. Причем «только ли его, только ли старого мерина убивали – вот главный вопрос товстоноговского спектакля» – писали критики.

В спектакле театра Грибоедова эта тема тоже отражена – особенно в сцене, когда молодой табун неумолимо, безжалостно наступает на Холстомера... Но Авто Варсимашвили поставил спектакль и о другом: о мудрости, обретенной через мучительные страдания, о том, как непривлекательна и беспомощна старость, о смерти, которой никому не избежать. О любви и сострадании. О благородстве, наконец. Тема прочитывается, прежде всего, в образе Холстомера, каким его трактует режиссер. Это старый мерин, на пороге смерти вспоминающий всю свою нелегкую жизнь. Она научила его многому, но главное – терпению и терпимости к несовершенству мира, к человеческим слабостям. Эта нота становится камертоном для всего спектакля.

Спектакль «Холстомер. История лошади», который можно назвать ностальгией по любви, был восторженно принят тбилиским, затем – батумским зрителем. Стал в 2012 году участником Тбилисского международного театрального фестиваля. А незадолго до «Встреч в России» состоялся благотворительный показ спектакля, весь сбор от которого пошел в помощь молодому акте-

ру Тбилисского драматического театра имени Котэ Марджанишвили Георгию Корганашвили... Трудно представить спектакль, более подходящий для такой благородной цели. Ведь, по признанию зрителей, от него исходят флюиды добра.

Литератор Наталья Соколовская:

- Жизнь держится на внутренних рифмах, субстанции эфемерной, но прочной, как слюна ласточки. Вот и Тбилисский русский театр имени Грибоедова показал в Петербурге 12 апреля 2013 года – за неделю до сороковин Нателы Товстоноговой – постановку, посвященную одному из самых знаменитых ленинградских спектаклей. За ней, Нателой Товстоноговой, как будто дверь эпохи закрылась. Получился спектакль-реквием: по людям, по ушедшему времени. Но ушедшему ли? Крест в глубине сцены (это и надгробный крест, и распятие, и дуга, и хомут, и ясли) – это крест по всем прошлым и будущим ушедшим. Наш общий крест.

Режиссер Автандил Варсимашвили, безусловно, держа в уме постановку своего знаменитого предшественника (просто потому, что такое забыть невозможно), создает собственную великую драму жизни и смерти.

И вот – лошадь. Холстомер. Не знаю, как получилось это у Валерия Харютченко, но ком, возникший у меня в горле с первой секунды его появления на сцене, все более и более набухал слезами, потому что полагаю: слезы – не из глаз, слезы – из души. Рисунок роли – безупречен. Пластика завораживающе-пронзительна. Артист играет так, точно все – и на сцене, и в зале – глухонемые. И все понимают друг друга. Никогда не думала, что движение кистей рук, наклон головы, поворот туловища – могут заставить страдать зрителя.

Но ведь смертью Холстомера ничего не закончилось. Самый, на мой взгляд, великий русский текст XX века –

▲ **Круглый стол в Санкт-Петербурге**

платоновская «Корова» – истоком своим имеет рассказ Толстого «Холстомер». Вот поставить бы эту платоновскую вещь, а Валерий Харютченко сыграл бы и мальчика Васю Рубцова, и теленка, коровьего сына, которого повели на бойню, а может и саму корову, потому что мужской или женский род тут ни при чем, – а причем страшный и бесконечный русский космос, который этому артисту сыграть под силу.

Актер Валерий Харютченко:

- Важная часть жизни актеров – их спектакли. Они рождаются в содружестве с режиссером-постановщиком, и всегда по-разному. Иногда легко, иногда в муках, но желательно, чтобы это был акт любви. Ведь без этого у спектакля не возникнет нужной атмосферы, светлой ауры.

12 апреля в Санкт-Петербурге на XV международном театральном фестивале «Встречи в России» мы показали свою версию «Холстомера» по повести Льва Николае-

вича Толстого. И вот мы один на один с нашим судьей – петербургским зрителем. Действие началось. Медленно вращается круг сцены, неся на себе и табун молодых лошадей, сильных и счастливых, у которых все впереди, и старого Холстомера, который уже прожил жизнь, и ему надо платить за эту жизнь.

Бьет копытами табун. Мчится время, неотвратимо унося и молодость, и саму жизнь. И этому подвержены все-все. «Если только можно, Авве Отче, чашу эту мимо пронеси... Но продуман распорядок действий и неотвратим конец пути. Я один, все тонет в фарисействе. Жизнь прожить – не поле перейти!». Эта экзистенциальная нота пронизывает весь спектакль. Вращается круг сцены, унося и людей, и лошадей. Унося все! Все пройдет – пройдет и это, как говорил Соломон. Зрители смотрели спектакль, затаив дыхание. А в конце раздали аплодисменты, которые долго не стихали. За кулисы к нам приходили зрители, благодарили. И что было особенно значимо – то, что после спектакля в гримерку, вместе с нашим директором Николаем Свентицким пришел сын Евгения Лебедева – кинорежиссер Алексей Евгеньевич Лебедев. Он поблагодарил и сказал, что очень волновался, идя на наш спектакль, но что мы не разочаровали его. Мнение сына легендарного актера очень дорого нам.

Возможно, у кого-то сложилось и другое впечатление – сколько людей, столько и мнений. А мы благодарны всем. Спасибо фестивалю, спасибо петербуржцам!

Заслуженная артистка Грузии Людмила Артемова-Мгебришвили:

- Обычно холодный Петербург встретил нас приветливо – солнцем, теплом. Повсюду, от всех служб фестиваля мы чувствовали доброе, внимательное отношение – за кулисами, в гримерной, в буфете. Петербург – город с прекрасными театральными традициями. А главное – мы ведь привезли спектакль «Холстомер. История лошади», который был посвящен постановке, признанной эталоном совершенства, спектаклем-легендой. Я ехала в Петербург с ощущением, что успех будет обязательно. Это было уже проверено! Друг семьи Георгия Товстоногова приезжала на премьеру нашего спектакля в Тбилиси. Она была очень довольна и передала свои впечатления сестре режиссера и вдове Евгения Лебедева Нателе Товстоноговой – увы, ныне покойной. Натела Товстоногова год назад звонила своим тбилиским родственникам, с которыми поддерживала тесные связи. Она говорила, что нервничала, но теперь очень рада, потому что ей сказали: спектакль получился! Я сразу, еще на репетициях, поняла, что спектакль будет удачным. Находясь на сцене, я ни на секунду не выключалась из спектакля, он действительно захватывает! Правда, были опасения, придет ли зритель. Но когда мы увидели полный зал, аншлаг, что на фестивальных спектаклях бывает довольно редко, это дало нам дополнительный стимул, вдохновение. Зал слушал потрясающе – за время спектакля, мне кажется, никто ни разу даже не закашлял. Зрители дышали вместе с нами, актерами, – возникла так называемая вольтова дуга... После спектакля нас долго не отпускали. Стоит ли говорить, что из Санкт-Петербурга мы вернулись окрыленные, обновленные?!

Актриса Нана Дарчиашвили:

- Через некоторое время после начала спектакля в зале наступила глубокая тишина. Ко мне за кулисами подошел наш рабочий сцены Гия Габодзе и озабоченно спросил: «Нана, а в зале есть люди? Почему такая тишина?» - «Да, полный зал – аншлаг!» - отвечаю. Зрители внимали каждому слову, звуку, движению. А ведь самая важная оценка – это именно зрители! Спектакль «Холстомер. История лошади» захватывает с первых минут. Открывается занавес – и спектакль так затягивает, что ты не можешь оторваться, сидишь как загипнотизированный. Все в постановке так спрессовано, энергетически заряжено, что ты успеваешь прожить за полтора часа целую жизнь. А после спектакля были крики «браво!»

▲ После спектакля на фестивале «Встречи в России»

и бурные аплодисменты... На нашем спектакле побывали знаковые фигуры мирового театра – Йонас Вайткус, Кама Гинкас и Роман Виктюк. Они сказали немало добрых слов в адрес нашей постановки, труппы в целом, что, конечно, очень и очень приятно. На банкете Николай Николаевич Свентицкий преподнес руководителю фестиваля Сергею Григорьевичу Шубу роскошную белую бурку и папаху... Из ярких впечатлений, не связанных с театром, – экскурсия в Русский музей, организованная для нас грузинским землячеством. Конечно, фестиваль необходим – он сближает деятелей театра разных стран, способствует сохранению русской культуры за рубежом. За эти три дня я прожила огромный кусок жизни – такими они оказались насыщенными!

«...Полутемная, медленно вращающаяся по кругу сцена, не то деревья, не то статуи со всех сторон, обступившие ее, и старый, изможденный мужчина, заключенный внутри этого страшного действия. Гнетущее ощущение еще больше усиливает мерцающий свет и необычная, тревожная музыка. Это мистическое зрелище стало началом истории мерина Холстомера, которому «посчастливилось» родиться не таким как все, а пегим. Старость неизбежна, но... «у кого-то она возвышенная, а у кого-то гадкая, у меня она и возвышенная, и гадкая одновременно» — рассказывает Валерий Харютченко нелегкую историю жизни Холстомера. Его голос спокоен, тих, а движения совершенно лишены патетики, однако вся фигура актера проникнута такой тоской и бесконечной усталостью, что мы понимаем, что этот человек не играет, а по-настоящему живет чувствами, мыслями и страданиям своего героя».

(Олеся Мостепанюк, арт-журнал «Okolo.me»).

«Этот показ в программе фестиваля русских театров стран ближнего и дальнего зарубежья «Встречи в России» стоит особняком. Во-первых, не столь часты в наши непростые времена визиты артистов из Грузии. Во-вторых, спектакль посвящен Георгию Товстоногову и Евгению Лебедеву, а также легендарному «Холстомеру» БДТ. Режиссер Автандил Варсимашвили не пытался повторить легендарную товстоноговскую постановку, но создал по ее мотивам впечатляющую театральную фантазию. Красочные декорации и костюмы сочинены художником Мирианом Швелидзе».

(Андрей Пронин, Афиша Plus, Фонтанка.ру)

«Холстомер» Автандила Варсимашвили – дань глубокого уважения первоисточнику. Увяданием и предчувствием неминуемого ухода полон спектакль. Лаконична, самодостаточна сценография спектакля (Мириан Шв-

лидзе): в ней обрубки деревьев, высохшие ветви, вырастающие из тумана и мрака сцены обретают тотемные черты. Появляется человек, высекает огонь, закуривает и туман, пыль (от топота копыт) усиливается сигаретным дымом. Здесь и смешиваются «в кучу кони, люди». Иссушенный жизнью Холстомер и потерявшая изящество молодости Вязопуриха (в этой роли – заслуженная артистка Грузии Людмила Артемова-Мгебришвили, молодую Вязопуриху играет София Ломджария) вспоминают историю своей любви. «Страдаю от молодежи больше, чем от людей», - жалуется пегий конь, но количество молодых лиц и их деликатное восприятие спектакля радует. В спектакле много музыки, света, танцев, но динамика его регрессирует по мере того как движется к финалу жизнь Холстомера. Три возраста из жизни лошади, три драмы (три актера исполняют эту роль – Валерий Харютченко, Иванэ Курасбедиани, Лаша Гургенидзе) и одна любовь, одно счастливое мгновение, затмевающее боль, унижения и невзгоды. История Л.Н. Толстого о «гадкой и величественной вместе» старости завершается в спектакле победой и одновременно поражением царя природы. Холстомер служит живому и после смерти, его останки оказываются полезнее, чем вся никчемная жизнь князя Серпуховского (Аполлон Кублашвили), от которого не осталось ни на земле, ни в чьей-то памяти и следа. Разве что в родословной».

(Эмилия Деменцова, Интернет-журнал «Театрон»).

В рамках фестиваля, отметившего в нынешнем году юбилей, состоялся круглый стол на тему «Пространство без границ: диалог культур как условие развития общества». В нем приняли участие представители министерств культуры стран-участниц фестиваля, государственных и общественных организаций России, стран СНГ и Балтии.

- Фестиваль возник абсолютно стихийно, - подчеркнул его руководитель, генеральный директор Театра-фестиваля «Балтийский дом» Сергей Шуб. - Это было желание нашей команды сохранить театральную семью, которая существовала ранее в Советском Союзе. Невозможно сегодня молодому русскому актеру влиться в труппу русского театра в Армении, Грузии или Литве. Это вопрос натурализации, вопрос жилья, родного для титульной нации языка. С другой стороны, целое поколение молодых русских актеров из ближнего зарубежья не знает истории русского театра, истории русской культуры. Некоторые впервые в жизни были в Эрмитаже. Мы надеемся, что постоянно действующий центр, театральная школа сможет в течение года принимать актеров, режиссеров, сценографов, работающих в русскоязычных театрах. Это сможет помочь им в профессиональной деятельности, а также послужит продвижению русской культуры за рубежом. В политике дуют разные ветры, векторы меняются. А вектор культуры должен быть неизменен. Как раз ее дипломатия сегодня является уникальной возможностью для диалога между государствами.

- Я бы назвал эту конференцию не «Пространство без границ», а «Поперек границ», «Поверх барьеров», - отметил в своем выступлении режиссер Кама Гинкас. - Могу сказать о личных впечатлениях, о том, как отдельные личности, независимо ни от чего, проламывали границы и делали то, что считали нужным. Один из них – Сергей Шуб.

На круглом столе с докладом «Популяризация русской культуры как фактор миротворчества и новые возможности развития партнерских отношений» выступил директор тбилисского Грибоедовского театра, президент Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб», заслуженный деятель искусств РФ Николай Свентицкий.

Спектакль грибоедовцев приглашен на престижный Московский международный театральный фестиваль «Золотой витязь», который пройдет осенью.

Инна БЕЗИРГАНОВА

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ УСЛЫШАТЬ АНГЕЛА

Артист всегда артист. Заморочить голову собеседнику, навесить, извините, на уши лапшу – это для их брата проще простого. Они не врут. Живут так. Никогда не поймешь, где кончается роль и начинается реальная жизнь.

Но тут, ей-богу, другой случай – этому человеку ве-ришь сразу, не сомневаешься и потом.

С ним легко. Он безупречно вежлив. Умеет слушать и слышать и делает это внимательно и уважительно. Конечно, он не самый спокойный человек в мире, но почему-то кажется, что он самый спокойный человек в мире. Наверное, все дело в энергетике – очень светлой.

Но главное – прежде чем ответить на вопрос, он задумывается, молчит... Он не тугодум – его наблюдательности и реакции можно позавидовать. Просто хочет быть честным и точным. Откровенно говоря, таких собеседников в долгой практике у автора этих строк было всего два. Первый – Олег Янковский. Второй – Дмитрий Дюжев.

Дмитрий не собирался давать это интервью. Он приехал в Тбилиси всего-то на три дня. Время в основном было занято репетициями и самим выступлением – его и Тамары Гвердцители. Незадолго до начала концерта он сидел в кафе за кулисами Большого концертного зала филармонии, спокойно курил и пил кофе в компании супруги Татьяны и музыкального директора Елены Ген. Меньше всего ему хотелось, чтобы в этот момент у него над головой встал журналист. Он уже начал было отказываться... Но просмотрев номер журнала «Русский клуб», который я подарила артисту, согласился и назначил встречу на 11 утра следующего дня. Назавтра мне довелось убедиться, что Дюжев умеет держать слово (тоже нечастое качество для популярного человека!). И несмотря на то, что накануне состоялся концерт и открытие «Звезды Тамары Гвердцители», а банкет по этому случаю продлился до пяти часов утра, ровно в одиннадцать Дюжев появился в холле гостиницы. Бодрый, готовый беседовать.

- Я понимаю, что выпросила у вас интервью. Почему вы все-таки согласились? Из уважения к местной печати?

- Из уважения к грузинскому читателю. Но главное – вы показали мне такой журнал... Он сразу показался интересным, профессиональным, качественным.

- Вы избирательны в отношении к журналистам?

- Да, безусловно.

- Горький опыт общения?

- И это тоже. А еще я считаю, что не должен часто появляться на страницах прессы. Поэтому встречаюсь с журналистами дозированно, раз в полгода. Всегда должен быть повод.

- Например, свадьба.

- Ну, таких поводов в жизни вообще по пальцам пересчитать. Это выпускной вечер, защита диплома, свадьба и рождение ребенка.

▲ Кадр из фильма «Мне не больно»

- О дипломе. Вашей дипломной работой была роль Босого в «Мастере и Маргарите»?

- Не совсем так. У нас было несколько выпускных работ. И одна из них – «Мастер и Маргарита», который поставил Сергей Алдонин в мастерской Марка Захарова.

- А сейчас какую роль вы хотели бы сыграть в «Мастере и Маргарите»? Вряд ли вы мечтали о роли Никанора Ивановича Босого. Хотя это колоритный образ.

- Колоритный, да. А сейчас... Я колеблюсь между котом и мастером. Мастер – это нереализованная мечта в дипломном спектакле, олицетворение философии, мысли. А кот – что-то очень характерное, где можно похулиганить.

- Что вам дал Марк Захаров?

- Профессию. Он не переставал говорить о том, что актер – универсальное существо, для которого нет невозможных задач. Он должен петь, танцевать, исполнять цирковые трюки. Еще Захаров научил нас зигзаговому существованию. Нельзя играть ровно. Надо удивлять. В пределах одной роли, одной сцены. Этим способом работают многие его актеры.

- Вам очень везет на режиссеров, правда?

- Невероятно. Каждый из режиссеров, с которым я встречался, – это была новая школа. Уже на третьем-четвертом курсе я работал в Ленкоме, в массовке – танцы, песни в «Юноне и Авось», «Фигаро»...

- Это тоже была школа?

- Великая. Потому что на твоих глазах – если ты, конечно, не сидишь в столовой – происходит живое искусство величайших артистов. Они – захаровская армия. Такими были выпущены и мы – универсальными солдатами Марка Захарова. Мы были научены по щелчку выполнять все, что он просил – плакать, смеяться, краснеть, стыдиться, чувствовать себя самыми счастливыми на свете...

- По щелчку... Что-то в этом задевает.

- Да нет. Понимаете, только актер с большим опытом может заслужить уважение. В этом случае режиссер просит сыграть тему, а не эмоцию. А пока ты молод... Из ГИТИСа мы действительно вышли роботами, которые умеют делать все. Для нас было лучше умереть, чем сказать – нет, я этого не могу. Да, это была школа Захарова. А первую школу кино дал мне Александр Атанесян. У него я сделал первые шаги с первым текстом. На съем-

ках была настолько творческая, позитивная атмосфера, что вся группа работала с удовольствием от того, что она снимает именно это кино. И я тогда понял, что действительно хочу работать в кино. Это мое. Большую школу кино я прошел у Алексея Сидорова в «Бригаде». Он дал нам реалистическое существование. Нас, исполнителей главных ролей – Безрукова, Вдовиченкова, Майкова и меня, Сидоров на неделю поселил в санаторий. Он требовал – читайте с утра до ночи сценарий, вот вам криминальная хроника, «Однажды в Америке», «Крестный отец»... К нам приезжали представители определенных кругов, консультировали. А мы, артисты, так сдружились за неделю, что дружба продлилась на полтора года съемок, и даже потом таких близких друзей не появилось. Мы снимались за копейки с мальчишеским задором, который повторить невозможно. Вот сейчас говорят о «Бригаде-2»... Но «Бригада» неповторима.

- Потом была школа Шахназарова.

- Студентом я снимался у него в массовке в картине «Яды, или Всемирная история отравлений». А потом, уже после «Бригады», Шахназаров пригласил меня в фильм «Всадник по имени Смерть». И шутил: «Ну надо же, Дима, ты снялся у меня в крошечном эпизоде в «Ядах», а каким стал знаменитым!» Для меня было профессиональной удачей, что я встретился с ним в работе. Шахназаров в работе над сценой требует погружения. Он раскладывает внимание на несколько объектов – партнера, улицу, присутствующих людей, внутренние мысли. А сверху идет текст... Потом была работа с Алексеем Балабановым. Он абсолютный диктатор. У него в уме заранее все снято. Он на площадке может работать с закрытыми глазами. Поэтому его раздражают актерские предложения и импровизации. Моя первая картина с ним – «Жмурки». Роль Саймона была написана с пятью репликами. Саймон просто ходил весь сценарий за главным героем и всех убивал. Но мне стало интересно – как это сыграть, чтобы не повторить Космоса из «Бригады»? Повторяться нельзя, иначе ты утвердишь себя в восприятии зрителей только как исполнителя криминальных ролей. Потом из этого уже не вылезешь. А когда мы встретились с Балабановым, и он начал мне рассказывать это кино, я понял, что это глубоко и трогательно, а в моем герое – не все так просто. А на площадке Балабанов не хотел ни от кого

никаких вольностей, четко указывал, кому что делать.

- Даже Никите Михалкову?

- И ему. И вдруг в какой-то момент не дает мне никаких указаний. Я говорю: «Что мне делать?» А он отвечает: «Ты сам все знаешь, иди и играй». Он действительно никому не доверяет. А ко мне в какой-то момент отнесся с доверием – как к ребенку, которого водили-водили за руку, а потом отпустили – иди сам. Как иди? Дайте руку! (Смеется). Но я пошел. Стали рождаться собственные эмоции, переживания. И Саймон получился многообразный.

- На фестивале «Кинотавр» ваша работа была отмечена жюри со сцены.

- Да, была. И как раз там, в Сочи Балабанов и познакомил меня с Павлом Лунгиным.

- Простите, я не могу не спросить. Ведь фильм Лунгина «Остров» возник в трагический период? (За четыре года из жизни ушли младшая сестра Дмитрия, покончил с собой отец, скончалась мать – Н.З.)

- Да нет же! Это была журналистская фантазия. Со мной не очень хорошо поступили. Позвонили с просьбой снять обо мне документальный фильм. Я даже удивился – я молод, вроде рано еще для документального кино. А они мне объясняют – нам важно знать секрет вашего успеха, вы молодой человек, а у вас уже столько картин, как вам удастся так по-разному играть... В общем, уговорили. Снимали меня пять часов. И все спрашивали – что

▲ «Остров»

вы чувствовали, когда умирали ваши родители, ваша сестра? (Речь идет о документальном фильме «На светлой стороне жизни» - Н.З.)

- Вы не догадались, что дело нечисто?

- Я не ответил ни на один такой вопрос. Там закадровый текст. Я, конечно, просил показать вариант монтажа, заверить кино, которое касается моей жизни. Они мне – да-да-да. А накануне премьеры звонок от ассистентки – простите, я ничего не могла сделать, это все они, смотрите премьеру завтра. И я смотрю...

- И что?

- Ну что... Фильм про смерть. Сгустили краски, как могли.

- Там было сказано, что вас пригласили в «Остров», когда вы находились в монастыре, куда ушли после всех

бед. Это правда?

- Да нет же! Я, правда, задумывался об этом после «Бригады»... Вообще тогда был очень интересный период, когда все нас узнавали, мы были счастливы и казалось, что жизнь полна возможностей и впереди ждет только счастье. А на фоне счастья – трагедии, уходили мои родители. А на фоне этих трагедий было счастье...

- Но в монастыре вы побывали?

- Да, я увлекался паломническими поездками. Ездил во многие монастыри. Именно это мне и помогло в разговоре с Лунгиным по поводу «Острова». Он был очень удивлен, потому что все равно было отношение к Дюжеву как к Космосу, парню из сериала. И сложно было доказать, что я могу и что-то другое.

- Как Лунгин разглядел в вас это другое?

- Сыграл роль мой опыт паломнических поездок. Когда мы встретились, он сказал – скажу тебе честно, в идеале это должны играть непрофессионалы. А я ему начал рассказывать то, что видел сам, про настоящих людей – таких, как мой персонаж отец Иов. Потому что как только ты приезжаешь в монастырь, тебя встречает такой хозяйственник, распорядитель. Эти люди – бывшие военные или из органов. Именно они и занимаются внутренним порядком паломников, которых нужно расселить, наблюдать за ними. Ведь в монастыри приезжают разные люди. К примеру, люди, которые вышли из тюрьмы. Те, у кого конфисковано имущество, за то время, что сидят, теряют и родственников. Они выходят, у них паспорт и 700 рублей подъемных. И все. Или надо ограбить и какое-то время пожить, пока снова посадят. Или как-то обосноваться. Но обосноваться на 700 рублей невозможно. И многие из них живут в монастырях. Им объясняют устав монастыря. Ты можешь быть верующим или неверующим, но в пять утра должен встать и начать работать. В 9 вечера должен лечь спать. И такие люди, как мой герой, имеют дело с беженцами, бывшими заключенными, людьми, нездоровыми психически, которые тоже ищут что-то свое... Это разные люди, разных возрастов, и со всеми мне приходилось общаться. Особенно когда находишься с ними в одной большой келье. Келья ведь тоже разные – от крошечных двухместных до тех, в которых помещается до 50 человек, с огромными двухъярусными койками. И все друг другу рассказывают свою жизнь. Кстати, человек, став монахом, не имеет права покинуть монастырь – он отдает документы, и все. И в монахи долго не принимают, можно оставаться послушником несколько лет. Я встречал таких людей – уже, казалось бы, человек абсолютный монах. Но нет, не принимают, у него нет ни рясы, ни кельи... Испытывают до самого последнего.

- В монастыре тяжелая атмосфера или нет?

- Все зависит от веры. Мы вчера общались с Католикосом-Патриархом Ильей Вторым. Говорили о том, что такое вера, насколько она сильна сегодня. И он сказал, что вера – это не чувство. Это отдельная субстанция, которая существует или не существует в человеке. И баланс верующих-неверующих в мире постоянный. У нас в какой-то период меньше, в Африке – больше, и наоборот. Такая перетекающая субстанция веры. Люди начинают больше думать о добре, прощении, любви, и вера распространяется шире. Замыкаются, начинают ублажать себя, стремиться к наживе, власти, и вера переходит к другим душам.

- Вера – радостное дело?

- Да, безусловно.

- Но тяжелый труд?

- Тяжелый труд с радостным настроением. Как бы тяжело тебе ни было – будь то пост, оскорбление, вторжение, насилие... Как говорит Тургенев, «будь человек только добр – его никто отразить не может». И Святейший мне сказал: «Главное – неси людям добро, и судьба твоя будет хорошей». Вот и все.

- Браслет на вашей руке – от Святейшего?

▲ С Тамарой Гвердцители

- Да, он подарил. И благословил. Это большое счастье... Я встречал людей, для которых нет большего счастья, чем жить в монастыре, быть в ежедневном молитвенном состоянии. Мне удалось совсем чуть-чуть, но все же почувствовать, что это такое – быть монахом. Как говорят сами монахи, если человеку дается по одному черту (с каждым из нас – черт и ангел), то монаху – сорок чертей. Но они чувствуют бесконечное счастье от всего, за все благодарят бога, всему радуются...

- И за несчастья тоже благодарят?

- Благодарят. И даже в большей степени.

- Ну как же это...

- Объясняю. Что мне помогло не сойти с ума от горя?

Понимание того, что ты не имеешь права на эту жизнь – она не твоя. Это все не твое. Твое – душа, и только душа. А тело и все, что ты имеешь, тебе дается. Даются родители, близкие, дети. Даются. Ты сам не можешь отвечать, что все будет так, а не иначе. Что-то случится, и ты слаб, не знаешь, что делать, почему так происходит... Истинно верующий человек живет с пониманием «бог дал, бог взял». И каждый день об этом читает в молитвах. Утром просыпаешься с радостью от того, что день начался, что ты ночью не умер. А в ночь ты должен быть готов к смерти. Так вера и учит – прощаться с жизнью на ночь и утром радоваться новому дню. В Библии сказано – в течение дня радуйся всему, что тебе дастся, и всему, что у тебя отнимается. В таком счастливом состоянии ты и пребываешь. И монахи это очень четко чувствуют.

- Несмотря на сорок чертей.

- Несмотря на сорок чертей. И чертям они благодарны. Наверное, нескромно, но Лунгиным были использованы мои рассказы про бесноватых. Я такое видел своими глазами в Оптиной пустыне. Мы стояли в очереди к мощам Амвросия. Подошел черед какой-то женщины прикоснуться к мощам. И вдруг она начала рычать. Народ расступился, все испугались. Рык был мужской, было

непонятно что она говорила, но как будто на греческом. А монахи со знанием дела взяли ее под руки, усадили, священник святой водой окропляет, окропляет... Она вырывалась, как мужчина. И пришла в себя, вся мокрая от святой воды. А монах что-то ей рассказывает. И я видел ее глаза – как у ребенка, девочки. Это было что-то уникальное. И Лунгин вставил в фильм этот эпизод.

- В одном из интервью он говорил, что использовал также ваши рассказы о раннем утре в монастыре.

- Ой, это необыкновенно. В пять часов утра начинается первая монашеская служба. Не включается свет, горят только лампадки. Лики, хриплые ранние голоса монахов читают, поют. Мне кажется, что если хочешь услышать голоса ангелов, то нужно в пять часов прийти в любой монастырь и послушать это священнодействие...

- У меня такое чувство, что «Остров» - как будто для вас и не кино. Это все-таки была профессиональная работа? Работали с холодной головой?

- Нет, не с холодной. Хотя это, безусловно, профессиональные дела. Тем более надо было работать с Петром Мамоновым. Он непрофессиональный актер. Не знает, что такое мизансцена, ракурс камеры... Он существует как существует. В первый день на репетиции мы выстроили мизансцену, кадр, двойной портрет, все точки были выверены. Снимаем. И вдруг Мамонов выбежал из кадра, убежал к морю и оттуда продолжал кричать мне свой текст. Лунгин кричит: «Стоп! Петя, что ты делаешь, я же тебе сказал, как играть!» А он отвечает: «Я не играю, я так живу». Конечно, было непросто. Но это счастье, что работаешь с таким редким человеком, который не слушается никаких правил, но играет так, что глаз не оторвать. А это самое главное в искусстве. С Лунгиным работа была взрослая. Он объяснял сцену и говорил: «Вот вам пространство, я приду через полчаса, покажите». Да, сложно, когда тебе дается такая свобода, когда ты сам предлагаешь мизансцены, интонации, паузы, на-

правленность, внутреннее оправдание и так далее. А в результате зритель должен подгляднуть, как в замочную скважину, и увидеть, как живет этот человек, твой герой. И ты должен быть этим человеком. Кстати, я таким же образом работал с Декланом Доннелланом. Доннеллан – живая легенда. Он известен по всему миру постановками Шекспира. Это режиссер, который имеет свою актерскую школу «Мишень». Европейская школа, авторская. И он работал по такому же методу: рассказывал сцену и оставлял актеров на полчаса-час. То есть первую репетицию делают сами актеры – так, как им удобно. Потом приходит режиссер и расставляет акценты, мизансцены. Этот режиссерский метод такой же правильный, как и диктатура. Главное, чтобы режиссер-диктатор не создавал надуманную ситуацию, не заставлял актеров делать жизненно не оправданные вещи. Это частая ошибка, в результате которой все получается искусственно. И это уже не замочная скважина, в которую мы жизнь подглядываем.

- А каков в работе Никита Михалков?

- Михалков – это гипнотизер, диктатор, педагог. Он магический человек, волшебник, провидец. Истинно верующий, которого господь любит и хорошо испытывает. Детства было некуда от той критики, которую он получил после «Утомленных солнцем-2», после скандалов с дележкой Союза кинематографистов... А он говорит: «Спасибо тебе, господи, за все. Ты бьешь меня, но я пройду это достойно, с любовью к тебе». Действительно, он это своей жизнью доказывает. И я уверен – господь в ближайшем будущем вознаградит его за испытания, за то, что он не пошел в дразги, ссоры, суды...

- Но суд-то был.

- Зло должно быть наказуемо – это тоже святая мысль.

- А на площадке? Видимо, он влюбляет в себя.

- Влюбляет. Он психолог. С первого взгляда понимает, какой подход нужен к человеку.

Я вам расскажу, что произошло на моих глазах. На съемках у нас была небольшая и очень слаженная компания нескольких персонажей, которые из места действия в место действия путешествуют по этой войне – я, Андрей Мерзликин, Артур Смольянинов... У нас уже сложились отношения, мы понимали, что такое быть в окопах, когда в ушах, носу, глазах песок, когда хлеб хрустит на зубах, потому ешь вместе с землей, когда мерзли так, что говорить было сложно... Михалков нас абсолютно погружал в эту атмосферу. В один из съемочных дней актер, примкнувший к нашей команде, играл небольшой эпизодик. А надо сказать, что с нами играл и Михалков. Но на репетициях за него работал дублер. И вот на репетиции мы видим, что актер, которому доверен эпизод, не дотягивает. Мы уже столько пережили, для нас все естественно. А актеру сложно – он только пришел. И мы удивляемся, почему Михалков ему ничего не говорит, не подскажет? А он молчит. Как будто не видит. И вот перед генеральной репетицией, когда Михалков должен сменить своего дублера, он подсаживается к актеру, и что-то начинает ему тихо-тихо говорить. Что он ему нашептал, что это был за гипноз, мы до сих пор не знаем. Мы вроде привычно начали играть, но когда начал этот актер... Какая-то магия произошла. Он играл потрясающе, волшебно. Мы только подыгрывали и удивлялись – как он это делает! Это было уникально. Я же говорю, Михалков – маг и чародей.

- Вы приехали в Тбилиси, чтобы выступить в концерте с Тамарой Гвердцители. Что для вас пение?

- Я пока не могу назвать себя в этом профессионалом настолько, насколько я профессионал в актерской профессии. Пение для меня хобби, но не в легкомысленном понимании. Любовь к пению действительно у меня была с детства. В школьном хоре пел. А в театральном институте мной заинтересовался Владимир Маторин (оперный певец, солист Большого театра, народный артист России, профессор Российской академии театрального искус-

▲ Дмитрий Дюжев. Тбилиси. 2013

ства – Н.З.). И он уговаривал: «Я давно мечтал о таком, как ты. Если будешь со мной заниматься до 35 лет, я тебе сделаю и аспирантуру, и все оформлю, как нужно, лишь бы ты не ушел в драматическую профессию – там ты потеряешь связки, голос. Решайся». Я не решился. Мне было двадцать, и 35 – это казалось таким далеким. Я действительно любил и люблю оперное искусство. Слушаю только классическую музыку – она дает мне пищу для фантазии, размышлений. Во всех своих режиссерских работах я ставлю только классические произведения. Гениальные композиторы раскладывали свои музыкальные пьесы по законам драматургии, поэтому они так держат внимание.

- Как же, с таким вкусом, вы поете прекрасную, но все же эстрадную музыку?

- Таковы нравы публики. А я – универсальный солдат. Самое простое и эстрадное, что мы пели с Тамарой – «Дорогие мои старики». Но мы вкладываем в эту песню такую любовь к старшему поколению...

- Вы не первый раз в нашей стране. Сейчас Грузия для вас – это...?

- Это Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II, чьи слова навсегда останутся в моем сердце. Это Тамара Гвердцители, которую я обожаю, боготворю, считаю, что она – гениальная певица мирового масштаба. А еще Грузия для меня – это люди, люди. Каких замечательных людей я здесь встречаю – даже просто на улице. А сегодня мы хотим съездить во Мцхета, в монастырь Джвари – посмотреть на ту икону, где Христос изображен с закрытыми глазами, а когда ты на него взглянешь, он начинает смотреть на тебя.

В Грузии, в мужском монастыре Святого Креста Джвари есть довольно редкая икона, которую называют «Иисус моргающий» или «Плат Святой Вероники». Особенность таких изображений в том, что на одних людей, подходящих к иконе, Иисус смотрит, а на других – нет. Согласно преданию, это зависит от чистоты души человека: если он грешен или готовится совершить грех, Христос не поднимет на него глаз.

Не правда ли, дорогой читатель, даже и сомневаться не приходится, что Дмитрий посмотрел прямо в глаза святому лику?

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

КЛЯТВА НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Великая Отечественная для старшего поколения – незаживающая рана, которая саднит, и связана она если не с каждым из нас лично, то непременно с судьбой близких. Я вспоминаю, как девчонкой со страхом смотрела на шрам от пули на плече своего красавца деда Миртата Богосяна, дошедшего с боями до Берлина.

Оставила война зарубки и на сердце Серго Мориладзе. Сколько лет прошло, а помнится ему все до мельчайших деталей. Родился Серго Каленикович в 1923 году в Батуми. Было их четыре брата, двое умерли до войны, а двое на себе испытали военное лихолетье. Необычно сложилась судьба младшего брата. В бою он был тяжело ранен. В госпитале решили, что он умер и отправили в морг, положили на цементный пол. Наши в это время отступали, и госпиталь оказался на немецкой территории. Выходила умирающего солдата местная немка, на которой он впоследствии женился. А Серго прямо со школьной скамьи (он учился тогда в десятом классе) поступает в офицерскую школу, которая находилась в Новом Афоне. Учился он там четыре месяца, присвоили ему звание младшего лейтенанта, но удостоверения получить не успел – отправили на фронт.

Однажды Серго и сержанта Фирджиева, как самых крепких и сильных, командир отправил за «языком». Когда они пробирались к немцам, Серго и его однополчанину повезло: под деревом они увидели спящего фашиста (как выяснилось – итальянца). Бойцы связали его и доставили к своим.

В бою на Клухорском перевале Серго был тяжело ранен. Пуля была разрывная, несколько осколков попало в бедро. Командир приказал солдату – азербайджанцу вытащить Серго из-под обстрела. Солдат под огнем не смог вытащить Серго в безопасное место, и тогда он собой прикрыл старшего по званию...

Уже тогда, вспоминает Серго, у него возникло решение за спасенную свою жизнь всегда служить азербайджанскому народу.

Но до спасения его пока было далеко: из раны хлестала кровь. Хирург в военно-полевом госпитале временно обработал рану и наложил шину (кость была раздроблена). В офицерской школе в свое время Серго навестила мама. Она привезла ему деньги: «Мало ли для чего пригодятся!» И он решил подарить эти деньги хирургу. Тот рассердился: «Мальчишка! Да я больше тебя рад, что спас тебя! Убери сейчас же деньги!»

Так Серго получил урок, который запомнил на всю жизнь. За ранеными прилетали одноместные вертолеты. Скоро из раненых остался один Серго. Оказалось, что его не увозили потому, что не могли уместить в крошечной кабине его стянутую шиной ногу. Девятнадцатилетнему парню очень хотелось жить, и он решился на отчаянный поступок: стянул с ноги шину и залез в вертолет. Опасаясь встречи с немецкими самолетами, вертолет летел очень низко над ущельем, почти касаясь кроны деревьев. Доставили Серго сначала в Сухуми, а оттуда самолетом – в Ереван, где Серго сразу же прооперировали. Извлекли несколько осколков (один осколок доктор Серго хранит до сих пор), склеили кость. Нога стала короче на пять сантиметров, рана долго не заживала. Девять месяцев провел Серго на больничной койке.

Сохранилось письмо, написанное родителям в Батуми. В нем он сообщает о своем ранении и рассказывает, что все его друзья в том бою погибли. Так, с незалеченной ногой, выписался из больницы и приехал в Тбилиси. Как-то шел по проспекту Руставели, опираясь на палку. Вдруг видит: навстречу шагает духовой оркестр, а дирижирует им ... Фирджиев! Тот самый сержант Фирджиев, с которым в горах вместе «языка» брали. Серго, хромая, поравнялся с оркестром. Друзья

обнялись, радостно приветствуя друг друга. Это было в 1943 году.

В том же году Серго поступил в Тбилисский медицинский институт, на лечебный факультет. Память о погибшем побратиме-азербайджанце, самому себе данная клятва служить народу, чей сын пожертвовал ради него жизнью, определили его выбор. После окончания института работал в больнице Тетри-Цкаро. Серго считает, что практика помогла ему стать хорошим хирургом. Потом учеба в ординатуре в Москве, в больнице Боткина, по общей хирургии – под руководством профессора Розанова, руководителем же по сердечно-сосудистой хирургии был профессор Колесников. На этом учеба Серго не закончилась. Еще много лет стажировался в Москве, то у профессора Вишневецкого, то у Колесникова, то в клинике Юдина. Сразу после окончания двух ординатур Серго возвращается в Грузию и узнает о конкурсе на место заведующего хирургическим отделением в новой больнице в Марнеули.

Помня о своей клятве, Серго принимает участие в конкурсе.

Так в 1958 году в городе Марнеули появился доктор Морчиладзе, новый заведующий еще не существующего хирургического отделения. До той поры хирургических больных возили в Рустави и Тбилиси. Серго стал первым оперировать в Марнеули. С тех пор его руками сделано пять тысяч операций. С первых дней работы дал понять марнеульцам, что он «свой», что не собирается быть приезжим врачом, курсирующим между Тбилиси и Рустави. Купил участок по соседству с больницей, стал строить дом, женился. Жена, красавица Этери, в той же больнице заведовала стоматологическим отделением. Родилась дочка Лика, которая с отличием закончила марнеульскую школу.

В маленьком городе все на виду, тем более семья хирурга. В каждой марнеульской семье доктор Серго был любимым и почитаемым человеком. А что касается карьерного роста... Были заманчивые предложения из столичных больниц и институтов. Но Серго оставался верен своему хирургическому отделению. Когда в 1985 году в Марнеули открылась новая больница, сумел расширить хирургическое отделение, превратив его в блок с операционными.

С гордостью рассказывает старый доктор о своем детище. В 2003 году за плодотворную работу Серго Морчиладзе награжден Орденом Чести. Хирургический блок марнеульской больницы носит его имя. Он заслуженный врач Грузии. Доктор Серго полвека проработал главным хирургом Марнеули. Лишь в 85 лет решил расстаться с любимым делом. Но скучают по своему коллеге марнеульские хирурги. 29 марта, в день 90-летия С.Морчиладзе, приезжали поздравить старшего друга. А когда прощался доктор с Марнеули и больницей, благодарные горожане подарили ему памятный скальпель.

Предмет особой гордости доктора Серго связан с войной – это медаль «За отвагу», полученная им в далеком сорок первом.

В свои девяносто лет Серго Каленикович не потерял интереса к жизни и не утратил чувства юмора. Сегодня он живет вместе со своей дочерью Ликой, окруженный любовью и заботой. Говорят, здоровое дерево дает хорошие плоды. Лика обладает жизнелюбием и общительностью родителей. Она гордится отцом, детьми, внуками. Сожалеет, что я не познакомилась с ее старшей дочерью и внуками. Муж Лики Александр – скульптор. По его стопам пошел сын Темури. В 1999 году он закончил Академию художеств и с тех пор вместе со своими семьей однокурсниками занимается оформлением церквей. В пантеоне на Мтацминда они создали барельефы Св.Давида, усыпление Богоматери, распятие Христа. В Тетри-Цкаро, в церкви Св.Георгия, возвели алтарь. Во Мцхета, в Самтавро, - символическую

могилу царя Мириана и царицы Наны. Недавно Темури закончил в Бодбе работу над барельефом с ликом Богородицы. Из Москвы пришел заказ на фрагменты для грузинской церкви. На строительстве храма Самеба принимал участие в работах в трапезной (мраморный зеленый стол). Для Батумского международного кинофестиваля приз – статуэтка, изображающая морского конька – изготовили Александр и Темури Маглакелидзе. Список церквей, где поработали Темури и его друзья, можно еще долго дополнять. У Темури ясный взгляд, тихий спокойный голос. Говорит, что не может работать, если не постится.

Самая младшая в семье – красавица Это – повторила и имя бабушки, и внешность. В 2004 году закончила Театральный институт, а потом на два года ушла в монастырь Самтавро. Как признается сама актриса, после шумной студенческой жизни, веселых капустников потянуло к тишине, запаху свеч и молитвам. Захотелось задуматься о смысле жизни. Семья к решению Этии отнеслась спокойно. Вообще в доме Маглакелидзе-Морчиладзе с уважением относятся к выбору каждого члена семьи.

В 2007-2011 годах Это работала в театре имени А.С. Грибоедова. Зрители запомнили молодую актрису по спектаклям «Хранители нашего очага», «Достоевский.ru», «Манекен», «Гетто», «Карьера Артура Уи» Вместе с Нико Гомелаури играла в спектакле «Две пары, или Кто такой Чарли». А детей Это порадовала и полюбила своими ролями в спектаклях: Кикиморы в

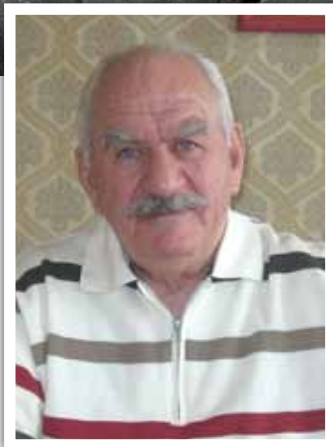

▲ Серго Морчиладзе с дочерью Ликой и внучкой Это

«Рождественской сказке», поварили в «Сказке о царе Салтане», Лимончика в «Чиполлино». Сегодня актриса работает в ТЮЗе, ее узнают и радостно приветствуют дети. Впереди много интересных проектов. Летом она по приглашению Алекси Джакели на три месяца едет во Францию, в город Ля Боль. Будет принимать участие в постановках этого режиссера.

Серго Морчиладзе много читает, в курсе всех семейных событий, поддерживает и ободряет каждого. Радует и гордится, что дочь и внуки нашли свой путь в жизни, теперь очередь за правнуками. К 90-летию дедушки Темури и Натия (жена Темури) порадовали его замечательным подарком: летом у них родится дочка. Хочется пожелать будущей правнучке Серго Морчиладзе быть достойной продолжательницей этого замечательного рода.

Наталья ГЗИРИШВИЛИ

▲ Валериан Рогава

ФРИЦ

Валериан (Сулико) РОГАВА – мастер спорта СССР, заслуженный тренер, судья международной категории по современному пятиборью, кавалер медали Достоинства НОК Грузии, почетный динамовец, полковник в отставке

*Посвящается светлой памяти моей матери,
Тамары Георгиевны ГИГИБЕРИЯ-РОГАВА*

Чтобы читателю было понятно, что послужило причиной появления моего повествования, расскажу о своей семье и близких родственниках.

Победу в Великой Отечественной войне я встретил на родине моей матери, в провинциальном городке Сенаци (тогда Цхакая).

У деда и бабушки, проживающих в Сенаци, были три дочери – одна из них моя мама Тамара, и сын – мой дядя. В 1939 году он с отличием окончил химический факультет Кутаисского педагогического института. Чтобы усовершенствовать свой русский и овладеть необходимыми навыками в военном деле, дядя добровольцем записался в ряды Красной Армии. Службу проходил в ста километрах от Белостока. К несчастью, дядя не вернулся с войны, похоронки тоже не было, поэтому он числился среди пропавших без вести. Кроме дяди, с фронта не вернулись еще четверо двоюродных братьев моей матери. Все они были из нашей деревни Дзвели Сенаци. Нетрудно представить степень горя моих родных и моей матери.

Хочется, очень хочется верить в то, что они, наши Солдаты Победы, как в стихах великого Расула Гамзатова, «не в землю эту полегли когда-то, а превратились в бе-

лых журавлей»...

После окончания войны родители забрали меня в Тбилиси. Так что, проучившись три года в Сенаци, я продолжил учебу в тбилисской школе. В Тбилиси наша семья – мама, папа, сестра и три брата – жила в двухкомнатной квартире с незастекленной широкой верандой общего пользования.

Мой отец, Валериан Андреевич, работал в органах госбезопасности Грузии. Он увлекался рисованием, был художником-самоучкой, но картины писал на вполне профессиональном уровне. В предвоенные годы основная часть сотрудников в органы охраны и безопасности республики приходила по партийному и комсомольскому набору. Трудовой путь, пройденный отцом, – от заводского рабочего до старшего офицера правоохранительных органов – был обычным для комсомольской молодежи 1930-1940-х годов. Он, как солдат невидимого фронта, всегда был в строю, всегда был в бою. В период ВОВ отец неоднократно участвовал в боевых операциях по уничтожению диверсантов, засылаемых Абвером на Кавказ, особенно в Западную Грузию. За боевые заслуги отец был награжден медалью «За оборону Кавказа», а

▲ Семья Рогова

в конце войны – «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и орденом Красной Звезды. В сорок шестом ему было 40 лет.

Мама работала мамой. А кем же еще она могла работать, имея четверых детей? Мама на общественных началах выполняла обязанности уполномоченного дома. Наверное, как жена сотрудника органов госбезопасности она была самой благонадежной кандидатурой. Однако, это не было основным аргументом. Черты характера матери – доброта и сердечность, - делали ее незаменимой. Ее любили и уважали окружающие и всегда ласково обращались к ней – Тамрико. Ей тогда было 33 года.

Наш дом был на улице Гоголя, недалеко от железнодорожного вокзала, рядом с большой привокзальной площадью. В 1946 году началась реконструкция и благоустройство железнодорожного вокзала и прилегающих к нему улиц. Тогда по улице Гоголя невозможно было пройти – все было перерыто. Прокладывали новые канализационные и водопроводные коммуникации. На укладке канализационных труб и других коммуникаций были задействованы в основном военнопленные. Конечно, мы их воспринимали по-своему, по-детски. Фашист – значит враг, никакой ему пощады. А как же? Во время войны мы, дети, играли в войну, создавали свои подпольные штабы и отряды, а врагами всегда были фашисты. Как правило, наш старший брат был командиром отряда, а сестра и другие девчонки нашего двора медсестрами. Когда военнопленные появились на нашей улице, то проходя мимо них, мы произносили самую знакомую и доступную для нас фразу: «Хенде хох! Гитлер капут!» Одни молчаливо оглядывались на нас, другие, улыбаясь, повторяли за нами: «Капут, капут!» Мы удивлялись, что эти военнопленные не были похожи на злодеев, кровожадных фашистов, убийц, какими мы их представляли. Смотришь на них – люди как люди, как будто переделали их. Многие были с доброжелательными лицами, улыбочивые, приветливые, даже шутили и, увидев нас, на губной гармошке «выдували» приятные мелодии. Через некоторое время мы потеряли к ним интерес: наверное, привыкли

так же, как и они к нам, а наш запас немецких слов был ограничен. Трудились они с немецкой аккуратностью. Перерыв на обед соблюдали пунктуально. Многие старались как можно быстрее перекусить, а оставшееся свободное время использовать для личных целей. Каждый в отдельности или же маленькими группами, они чем-то занимались. К моему удивлению, видел их даже за игрой в шахматы на самодельной доске. Очень интересно и забавно было смотреть и слушать, как трое-четверо военнопленных устраивали самодеятельный «концерт» на губных гармошках. В пределах обозначенного участка, в зависимости от фронта работ, им разрешалось свободно передвигаться. Некоторые подходили к прохожим и вежливо, в ненавязчивой форме предлагали им купить какие-то поделки, или оставшиеся у них мелкие личные вещи – авторучки, зажигалки, губные гармошки.

В один из дней, вернувшись с младшим братом из школы, мы наскоро перекусили и спустились во двор. Жили мы на втором этаже трехэтажного дома с двором в форме буквы «П». Это был типичный тбилисский двор, открытый, веселый и шумный. В тот день во двор зашел один из военнопленных, молодой человек, не старше 30 лет, высокого роста, с заметной поседевшей головой и приятной внешности. На нем был офицерский френч, изношенный до неузнаваемости. В середине нашего двора была водопроводная колонка. В руках вошедший держал солдатский котелок. Он подошел к крану и набрал воды. Военнопленные часто заходили к нам во двор за водой. Жильцы, особенно проживающие на первом этаже, иногда угощали их фруктами и сладостями, хачапури и грузинским лавашем. Несмотря на то, что многие наши соседи потеряли на войне родных и близких, их сердца не очерствели...

Когда военнопленный уходил со двора, с балкона раздавался голос моей матери: «Фриц! Фриц!» Рукой она делала знаки, чтобы он поднялся. Вначале военнопленный растерялся. Правда, немцы привыкли, что их называли Фрицами, но на этот раз мужчина как-то замешкался, видимо, не ожидал, что зовут именно его, потом

стал медленно подниматься по металлической лестнице. Бросив игры, мучимый детским любопытством, обогнав поднимающего по лестнице военнопленного, через какие-то секунды я уже был на втором этаже рядом с мамой. Немец неплохо говорил по-русски. Он вежливо поздоровался с матерью. Мама протянула ему сверток с гостинцами. Фриц попытался отказаться, но мама была настолько искренней, что он взял сверток и поблагодарил сначала по-своему: «Данке шен, фрау», а потом по-русски: «Большое спасибо!»

Фриц почти каждый день заходил в наш двор за водой. Прошло некоторое время, и мама снова позвала его. На этот раз я не побежал за ним. Фриц поднялся на второй этаж, мать опять встретила его со свертком в руках, а также с листком бумаги и карандашом. Она сначала передала Фрицу сверток, а потом бумагу и карандаш. После короткого объяснения Фриц понял, в чем заключалась просьба матери. Фриц внимательно слушал маму, записывал то, что она диктовала, и повторял: «Гут, гут, хорошо». Он аккуратно сложил записку и положил ее во внутренний карман френча, после чего поблагодарил маму за гостинцы, попрощался и ушел. Мама в тот момент не думала о том, что жене сотрудника органов госбезопасности не следовало слишком поддаваться благородным чувствам. Однако мотивами ее поступка в тот момент были не только жалость и сострадание.

Фриц долго не появлялся в нашем дворе. Военнопленные уже трудились на другом участке улицы, и за водой Фриц ходил в другой двор, поближе. Иногда мы с братом, возвращаясь из школы, видели нашего Фрица. Он с улыбкой здоровался с нами: «Гутен таг!»

Прошло некоторое время, и Фриц неожиданно появился в нашем дворе снова. В то время в Тбилиси двери квартир редко закрывали, и я сразу заметил нашего немца, идущего по лестнице. Мы с мамой и младшим братом вышли на балкон. Фриц поздоровался, извинился, что зашел без приглашения и добавил, что с завтрашнего дня его переводят на работу в другой район, поэтому и пришел попрощаться. Из кармана френча он достал маленькую книжку и авторучку. Книгу отдал мне, а авторучку – брату. Фриц рассказал, что он ветеринар по специальности, а до войны занимался конным спортом. Он довольно понятно объяснил, что книга эта очень полезная, ее написал известный немецкий ветеринарный врач. А потом Фриц добавил: «Когда вы повзрослеете, может быть, эта книга вам пригодится, если будете заниматься верховой ездой».

Мама не была готова к неожиданной встрече, но не в ее характере было отпускать человека, не проявив внимание. Пока Фриц с нами разговаривал, собрала гостинцы – инжир, хурму, чурчелы, грецкие орехи, сложила в сумку-авоську и передала Фрицу. Он еще раз поблагодарил маму и попрощался с нами. После его ухода мы с братом стали листать книжку, разглядывая изображения лошадей, каких-то растений, но ничего не поняли, не нашли в ней ничего интересного для нас и отложили. А вот авторучка с карандашным грифелем оказалась куда более занимательной, так как в нее была вмонтирована миниатюрная зажигалка.

Вечером мы обо всем рассказали папе, показали ему книгу и авторучку. Отец, конечно, не рассердился на нас, но пальцем все-таки погрозил: «Я вам покажу Фрица!» Он поставил книгу на полку, а авторучку спрятал в ящик

письменного стола и предупредил: «Возьмете, когда разрешу». Потом родители долго разговаривали. О чем я не знаю, но мама была взволнована и с заплаканными глазами повторяла имя своего брата. Отец успокоил ее и пообещал, что еще раз обязательно сделает запрос... Вскоре мы забыли и об этом эпизоде, и о Фрице.

Шли годы. Мы, братья и сестра, учились в школе. Учились, без ложной скромности, хорошо, все четверо окончили школу с медалями. У каждого из нас появились свои интересы, увлечения, определенные наклонности – у всех разные. В 14 лет я увлекся спортом. Но мог ли я тогда предположить, что именно мое профессиональное занятие физкультурно-спортивным и олимпийским движением даст мне возможность завершить историю с Фрицем? Все началось с плавания. Наша школа находилась недалеко от стадиона «Динамо». После войны, в конце сороковых, на динамовском стадионе открыли первый в Грузии зимний плавательный бассейн. Мы, ребята из 12-й мужской школы на Плехановском, почти всем классом оказались среди занимающихся. В 16 лет я уже играл в водное поло, с командой участвовал в турнирах. На всесоюзных соревнованиях мы становились победителями и призерами. К этому времени я не мыслил себя без спорта и общества «Динамо». В 1954 году поступил на горно-геологический факультет Грузинского политехнического института. Вскоре увлекся современным пятиборьем – спортом мужественным, разносторонним. Он стал моей судьбой на всю жизнь.

После политехнического я окончил физкультурный институт, аспирантуру, женился, у нас родился сын. Работал на руководящих должностях в грузинской организации общества «Динамо» в Тбилиси и в аппарате ЦС «Динамо» в Москве. С 1971 года многократно выезжал за рубеж как тренер, судья, руководитель спортивных делегаций МВД, «Динамо», Грузии, Советского Союза, в том числе несколько раз на Всемирных играх среди полицейских. Находясь за границей, особенно в 1970-1980 годы, я почему-то все время думал, что вот-вот кто-то должен прийти к нашей советской делегации и поинтересоваться, нет ли в ее составе человека с моей фамилией, что, возможно, мой дядя, брат моей матери, после войны по каким-то причинам не смог вернуться на родину, поэтому, не желая доставить нашей семье неприятности своим положением «невозвращенца», не дает о себе знать.

В 1986 году (к этому времени мне уже было 50 лет) я выехал на международные соревнования в Западном Берлине в качестве руководителя сборной команды всесоюзного общества «Динамо» по современному пятиборью. Турнир начинался с соревнований по верховой езде, с конкурра. Как всегда, по правилам соревнований была проведена жеребьевка лошадей. Пятиборцы на своих лошадях не выступают, только за 20 минут до старта всадник получает возможность познакомиться с лошадью, сесть в седло, провести разминку. Когда участник, стартующий от нашей команды первым, выводил лошадь из денника, тренер обратил внимание на то, что лошадь прихрамывает. Старший судья срочно пригласил ветеринарного врача. Подошел человек лет семидесяти, с хорошей осанкой, характерной для наездников. Он внимательно осмотрел лошадь, дал ей пошагать, потом попросил конюха принести ему специальную металлическую ложку-скребок. Ветврач приподнял больную ногу, тщательно зачистил внутреннюю часть копыта. После этого

▲ День Победы

он под узду провел лошадь на несколько шагов вперед, потом перешел на тихий аллюр, подошел к нашему тренеру и сказал: «Гут!» и передал ему узду. Выяснилось, что хромота была вызвана накопившимися внутри подковы грязью и камешками. Они причиняли боль, оттого лошадь хромала. Я подошел к ветврачу и поблагодарил: «Данке шен, доктор». Он ответил мне на русском языке: «Пожалуйста». Про себя я подумал: «Наш человек, наверное, побывал в сороковых на сталинградских просторах». Однако ветврач почему-то не отпустил мою руку, читая вслух мою фамилию, написанную на карте аккредитации, на моей груди. На ломаном, но понятном русском языке он спросил: «Вы из Тбилиси?» В то время я жил в Москве, но ответил: «Да». Он продолжал удерживать мою руку. В каком-то оцепенении я услышал следующий, ошеломивший меня вопрос: «Ваш дом Гоголь-штрассе?» Я кивнул головой. Я видел сильное волнение этого немолодого человека. Да и сам слышал биение собственного сердца. Он положил свою руку на бейджик и спросил: «Твой муттер Тамара? Ты Тамара kind?» Я был невероятно потрясен, закивал головой, повторяя: «Да, да!» Вместе с тем не мог сосредоточиться. Естественно, возник вопрос, кто он? Я не помнил Фрица, о нем давно уже все забыли. Все-таки сорок лет прошло.

Ветврач облегченно вздохнул, взял меня под руку и попросил присесть на скамейку. Еще раз, взглянув на меня, он тихим голосом сказал: «Я Фриц, либер фройнд. Ферштейн, помнишь меня?» Конечно, нашего Фрица я сразу вспомнил. «Да, да, яволь, помню. Ферштейн, доктор Фриц, хорошо помню», - скороговоркой ответил я.

Фриц рассказал, что когда мама позвала его на веранду во второй раз, то обратилась с конфиденциальной просьбой. Мама продикувала ему фамилию, имя, отчество своего брата, год и место рождения, а также свой адрес, имя и фамилию. Она попросила Фрица после возвращения домой попытаться что-то разузнать о брате и каким-либо способом, очень осторожно, сообщить ей о нем. Горе, потеря единственного брата заставили молодую женщину проявить неосторожность. Рискуя репутацией отца, обратиться с такой заведомо невыполнимой просьбой к незнакомому человеку.

Фриц рассказал мне, что вернувшись из плена, он долго ходил по разным инстанциям, но никакой информации о дяде не было.

После паузы Фриц стал рассказывать о себе, о том,

что с детства увлекался верховой ездой. Выступал на соревнованиях на лошадях ганноверской породы. Потом выучился на ветеринара. В середине тридцатых его призвали в армию, в кавалерийский полк ветврачом. Потом началась эта страшная война. «Я никогда не стрелять человека, - продолжал разговор Фриц тихим голосом, - я никогда не убивать рашен человек, зовиетише зольдат».

Мне показалось, что произнося эти слова, он хочет покаяться, высказаться. Наконец, хочет сказать об этом советскому человеку. Я обнял Фрица за плечи, попытался успокоить его, и сказал ему, что вот уже десять лет как нет моей мамы. «Очень добрая, шоне фрау, красивая была фрау Тамара», - тихо произнес он, встал и перекрестился, произнося приглушенным голосом не понятные мне слова.

Я коротко рассказал о себе, напомнил о книге, которую он мне подарил, и о том, что она хранится в моей домашней библиотеке. Сказал, что у нас сложились хорошие отношения с пятиборцами Германии. Со многими я выступал в молодости на международных турнирах. На лице Фрица была неподдельная, искренняя радость – и от этой неожиданной встречи, и от нашего душевного разговора. Он сказал: «Модерн фюнфкамф, современное пятиборье, гут спортарт, зовиетише спортсмен зер гут». Я извинился перед ним, сказал, что рад был этой встрече, нашим воспоминаниям, но диктор соревнований уже пригласил нашего спортсмена на старт, и мне обязательно надо видеть, как он пройдет маршрут конкурра.

Мы обменялись крепким рукопожатием. Фриц, не отпуская мою руку, как старого доброго знакомого обнял меня и сказал: «Либер фройнд, дорогой друг, я не есть Фриц. Я есть Гельмут Вернер. Передай, битте, салют Гоголь-штрассе, салют красивый город Тбилиси. За все вам большое спасибо...» И попросил, чтобы я от его имени, от Гельмута, положил цветы на могилу фрау Тамары. «Гут! Обязательно, либер Гельмут. Данке шен, доктор», - ответил я.

Через пять дней соревнования закончились, мы покидали Западный Берлин. Самолет взлетел, а мысли все не давали мне покоя. Я вспомнил слова великого Шота Руставели: «Зло сразив, добро пребудет в этом мире беспредельно».

Просьбу Гельмута я выполнил – положил на могилу матери ее любимые фиалки.

Валериан РОГАВА

ОБЕЛИСК

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ

ПОБЕДИТЕЛЬ

*Грузинскому воину Кантария,
одному из водрузивших
наше победное знамя над
рейхстагом*

Шел в ярме огня я, устали не ведая.
Лишь одним дышал я – близкою победою,
Полон упованием единым,
Веря, что заря блеснет над нами
И что вспыхнет солнцем над Берлином
Наше знамя.

Оттого, изранен, был неуязвимым я,
Оттого расстался с нивами родными,
Оттого оставил в шахтах глыбы,
Стол мой с неисписанной бумагой, -
Чтобы свой привет послать смогли бы
Мы со стен рейхстага.

И надежде этой неизменно верил я,
Возле гор Кавказа, у его преддверия,
По пятам преследовал злодея,
Разрушал в лесах его берлоги,
Под жестоким ливнем холодея, -
Не свернул с дороги.

Если оглянусь на путь свой,
ныне пройденный,
Не пойму, как спاسя, впрямь хранимый
 родиной,
Сумерками жизнь моя сгущалась,
Я по трупам полз порой ночью,
Даже ветер устал, казалось,
Поспевать за мною.

Торопились тучи по небу, свинцовые,
Но моей надежды был покорен зову я.
Рабья трусость – человека чувство ль?
Голову высоко поднимаю,
Не устал я, - что такое усталъ?!
Робости – не знаю.

Много исходили мы дорог, товарищи,
Видели в пути мы слезы, кровь, пожараща,
Раненные пулей и гранатой,
В темном поле встретившие мину,
Как виденья, провожали брата
По пути к Берлину.

И летели стоны, воина преследуя:
«Если не вернешься ты домой с победою
И не разгромишь гнездо тирана,
Навсегда запомнишь стоны братьев,
Сердце будет вечно жечь, как рана,
Братское проклятье».

Был я верным сыном, клятвы не
нарушил я,
Родины приказы беззаветно слушал я,
Выносил невзгоды и лишения,
Ледяной бывал покрыт корою,
Чтоб войти в Берлин, на подвиг мщенья,
Грузии героюем.

Кто я? Моего никто не знает имени,
Как захочешь, друг мой, так и назови меня.
Не один я, не один, - нас много.
Назови меня ты именами
Всех, кто шел военною дорогой,
Славя наше знамя.

Не меня ли дома ждет моя любимая,
И не спит ночами не моя ль родимая?
Тот я, кто придет, как победитель,
Тот, чьей волей слез поток прервется.
И да будет светлою обитель
Тем, кто не вернется.
1945

Перевод В.Звягинцевой

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ

КАПИТАН БУХАИДЗЕ

Я грузин Бухаидзе. Повержен
Вражьей пулей в Кавказских горах,
Если б мог я воскреснуть из мертвых,
Если б ожил внезапно мой прах, -

Я бы отдал опять свое сердце
Милой родине в грозном бою,
Вновь бы умер за землю родную,
Ту, что грудь покрывает мою.

Слушай мерный мой голос, прохожий,
И грузинским холмам передай,
Что без страха и скорби я умер
За родимый возлюбленный край,

Что нещадно разил супостатов, -
Поплатились они головой.
Я не умер. Бессменно на страже,
Я отчизны своей часовой.

Завещаю отныне грузинам:
Стойте непоколебимее скал,
Не страшитесь ни боли, ни смерти,
Защищая Дербент и Дарьял.
1942

Перевод В.Звягинцевой

ЛАДО АСАТИАНИ

В ГРУЗИИ

В Грузии рождались и трудились,
А потом грустили неспроста:
«Хоть бы на минуту возвратились
Наше детство, наша красота!»

Нет! Грузин себя не убивает.
Если умирает, то в бою,
Веря в то, что жизнь не убывает,
Что не прекратится бытию!

Если на поминках загрустилось,
Пусть опять произнесут уста:
«Хоть бы на минуту возвратились
Наше детство, наша красота!»

Наша смелость исстари ведется,
Ею наша родина горда.
Если даже в битве пасть придется –
Жизнь не прекратится и тогда!

Ибо жизнь – основа всей вселенной,
Ибо смерти ставим мы запрет!
И да будет он благословенным,
День, когда явились мы на свет!

Перевод Д.Самойлова

ХУТА БЕРУЛАВА

*Памяти Тины Иосебидзе,
которая в дни Великой
Отечественной войны героически погибла
на переправе, спасая товарищей*

Девочка в простой шинели серой,
худенькие тоненькие руки.
Что ты знала?
Запахи сена
и свирели дымчатые звуки.

Жизнью
ты сейчас живешь
вторую.
Ты сейчас
легенда,
а не девочка.
Не бывают смертны герои.
Ты себя навек
бессмертной сделала.

Вся страна сейчас
тобой гордится,
о тебе шуршат
фиалки, маки.
Вздогнуло село твое
Тортиза,
так, как только вздрагивают матери.

О тебе,
с глазами гордыми и грустными,
помнят,
как о дочери своей,
все отцы и матери Грузии,
у кого война взяла детей.

Стала жизнь твоя
бессмертной повестью.
Как твои глаза,
над нами звезды.
Только жаль,
что о твоём подвиге
в Грузии узнали поздно.

Смотришь ты с портретов на заводы,
на траву зеленую,
на ветки...
О, как страшно,
если б камнем в воду
имя твое кануло навеки!

Там, на переправе, под снарядами
Грузию в себе ты воплотила!

Пусть отныне
называют рядом
Зюю.
Лизу,
Марите
и Тину...

Перевод Евг.Евтушенко

▲ Лери Хабелов

РАВНЕНИЕ НА ФЛАГ

Последнюю минуту финальной схватки борцов вольного стиля зал наблюдал стоя. Решалась судьба золотой олимпийской медали в полутяжелом весе, которую до начала Игр безоговорочно все отдавали Лери Хабелову. Он уже в первой пятиминутке выиграл два балла и теперь хладнокровно отбивал азартные наскоки Хейко Бальца. Борцу из Германии удастся отыграть один балл, но не более.

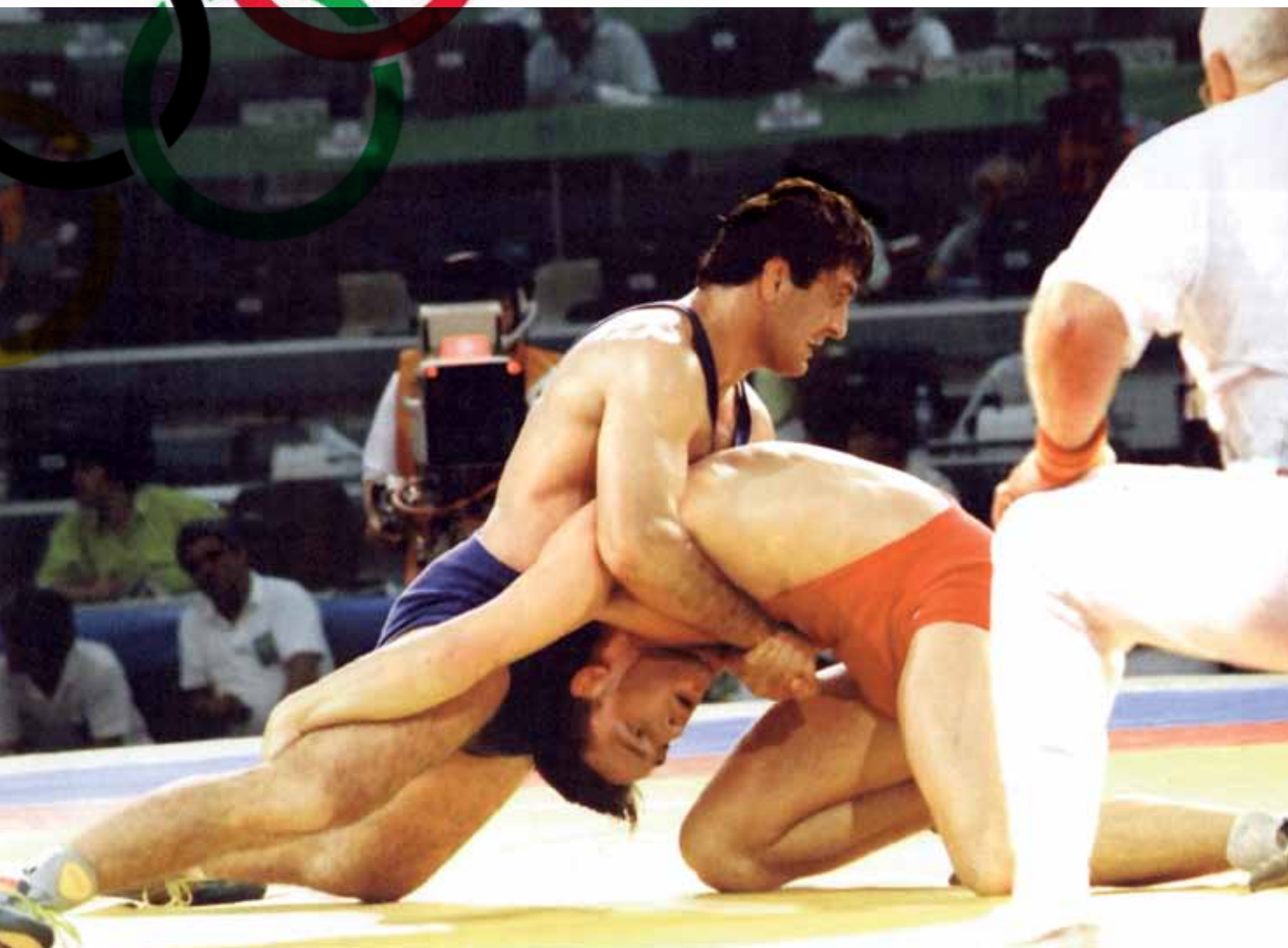
Олимпийским чемпионом Барселоны объявляется Хабелов. Его приглашают для награждения, а он не спешит подняться на пьедестал почета. На флагштоке поднят российский флаг, и Хабелов, представитель объединенной команды СНГ, предлагает сменить его на грузинский. Пожелание это логичное, отвечает положению и правилам, и судьи ничего не имеют против.

На пресс-конференции олимпийский чемпион объ-

яснил: «В Сеуле одна роковая ошибка обернулась для меня проигрышем и потерей чемпионского звания. Сегодня я не мог ошибаться. Вы спрашиваете, как это Арсен Фадзаев защищает честь России, а я в числе посланцев Грузии. Сам я осетин, но в отличие от владикавказца Фадзаева родился в Тбилиси, здесь началась для меня дорога в спорт. Сейчас у нас сложная политическая обстановка, междоусобица, конфликт, который, уверен, скоро затухнет. Буду счастлив, если моя сегодняшняя победа поможет способствовать примирению наших народов. Этому делу и еще моей матери посвящаю победу».

Слова олимпийщика из Грузии журналисты немедленно разнесли по телеканалам и страницам газет.

Хабелов действительно родился 5 июля 1964 года в Тбилиси, в его колоритном районе – Авчала, откуда вышли многие именитые чемпионы. В семье инженера-электрика, начальника цеха завода «Центролит» Габриела и домохозяйки Юлии Хабеловых, кроме старшего сына Лери, росли его брат Реваз и сестра Инга. Лери учился в 118-й средней школе, и сейчас, по прошествии лет, вспоминает счастливейшую пору любви, которой были окружены он и его сверстники, когда школа, учитель, ученики, родители были одной большой семьей, объединенной общей целью, и каждый выполнял свое назначение.

▲ Золотая схватка Барселоны

Поначалу он, всерьез увлеченный музыкой (у него абсолютный слух), и не помышлял о вольной борьбе. Но однажды 12-летний мальчуган заглянул в борцовский зал общества «Трудовые резервы» и встал в строй занимающихся. Он не подозревает, что его успехи скоро стремительно пойдут в гору, что ему судьбой уготовано стать преемником великого Левана Тедиашвили в его весе, полномостным хозяином ковра на протяжении полутора десятка лет.

Он пока только учится, набирается богатырской силы, закаляется в горниле турнирных испытаний. Воспитанник выдающихся грузинских тренеров специализированной ДЮСШ Ладо Мествиришвили и Ваню Николадзе мужал с каждым соревнованием, на голову превосходя соперников.

После победных для Лери молодежного первенства мира, юношеского первенства мира (оба в 1983 г.), Кубка мира-84 среди молодежи Иван Ярыгин пригласил его во взрослую сборную СССР. Главный тренер команды, двукратный олимпийский чемпион Мюнхена и Монреала, ревниво следил за сменой в своей полутяжелой весовой категории. Чем привлек его внимание новобранец? Ярыгин объяснял – отменными физическими данными, силой и выносливостью, тонким позиционным чутьем, бесстрашием и рассудительностью, мастерской борьбой в стойке и в партере. Вы спросите, что еще нужно для больших побед. И будете правы. И они пришли – беспробитные серии на много лет.

В 1985 году он сенсационно победил на традиционном Международном турнире по вольной борьбе в Тбилиси. Его весовая категория до 100 килограммов

собрала цвет мирового спорта – олимпийский чемпион Москвы Илья Мате, чемпионы мира Аслан Хадарцев, Хасан Орзуев, Петр Наниев, чемпион Европы Магомед Магомедов, а еще американцы, турки, иранцы, немцы...

Недавний юниор и новичок сборной Хабелов победил в первой схватке ташкентца Хадарцева, а в финальной – ленинградца Наниева.

«Аслан, - сказал Хабелов, - был для нас, молодых, эталоном. И эта победа показала мне добрым знаком».

Выпускник Грузинского института физкультуры, он через несколько месяцев в Якутске в финале нанес второе поражение Хадарцеву, став чемпионом СССР и первым номером сборной перед поездкой на чемпионат мира 1985 года.

Из Будапешта вернулся победителем, дав повод специалистам объявить о начале эры Хабелова в полутяжелом весе. Трудно поверить, что эти выдающиеся победы пришли к нему в 21 год. Легкость, с какой они были достигнуты, оказали недобрую службу молодому богатырю. В считанные месяцы достигнув всего, что иным борцам не под силу за всю спортивную жизнь, он, похоже, пресытился быстрым успехом.

В 1985 году в Ереване состоялся товарищеский матч советских и американских борцов. Хабелов в ранге действующего чемпиона мира борется с опытным Даном Северином, которого пару месяцев назад опередил в Будапеште (американец был шестым). Преимущество Лери в первом периоде бесспорно – он ведет 7:0, но встреча закончилась победой Северина

▲ Лери Хабелов – олимпийский чемпион

– 8:7. Потом сам не мог объяснить, что же произошло, жизнь тогда ему была не в радость. Тренеры, в порядке перестраховки, выводят действующего чемпиона мира из состава сборной. На ответную матчевую встречу в США едет Аслан Хадарцев, он побеждает на чемпионате СССР (Хабелов второй) и мира 1986 года.

Хабелов нашел в себе силы триумфально вернуться на большой ковер. Он победитель Спартакиады народов СССР. Наставники сборной по-прежнему верят в него, и, окрыленный доверием, он блистательно выигрывает чемпионат мира-87 во французском Клермон-Ферране, не отдав соперникам ни одного балла. Он доказал, и прежде всего себе самому, что снова готов бороться за наивысшие награды.

Так считал 23-летний Лери Хабелов, признанный лучшим спортсменом Грузии 1987 года.

Перед Сеульской олимпиадой он явный фаворит. Ярыгин утверждал: «Молодость Хабелова, его далеко не раскрытый потенциал позволяют мне с уверенностью сказать – он еще три-четыре года способен оставаться лидером среди полутяжеловесов мира».

А он второй на Олимпиаде после пяти побед, три из которых были на туше. Что же произошло в Сеуле?

Хабелов вспоминал: «В финале я боролся за золото с румыном Василе Пушкашу и проиграл – 0:1. Днем победил многоопытного немца Уве Нойперта, а вечером вышел бороться с тем, кого в предолимпийском году на чемпионате мира в Манчестере положил на лопатки за 12

секунд. Пушкашу не смог взять у меня ни одного балла в предыдущих наших встречах, обычно проигрывая на туше. Я, видимо, не настроился должным образом перед решающим поединком. Не последнюю роль сыграла моя травма».

Стоп! Об этой травме следует сказать особо – она многое объясняет. И что самое обидное, Лери получил ее за два часа до начала соревнований, на разминке, которую один из тренеров, Артемьев, решил провести. На влажном ковре нога Лери скользнула в сторону и связка не выдержала большого веса.

Вердикт врачей категоричен – с такой травмой нечего и думать выходить на ковер. Его нечем заменить, и правила против него – до начала взвешивания остается двадцать минут. И главное – не в характере Хабелова уходить с ковра, даже получив травму, когда в тебя верят главный тренер и товарищи по команде.

А боль нечеловеческая, просто невыносимая. Но он продолжает классно бороться, кладет соперников одного за другим – Фреда Солов из Западного Самоа, бразильца Флориано Спеси, могучего монгола Болда Жавхлантуга... Вечером глотает таблетки снотворного, чтобы часа на два провалиться в тяжелый сон, а потом до утра грызет подушку, пытаясь обмануть неотпускающую боль.

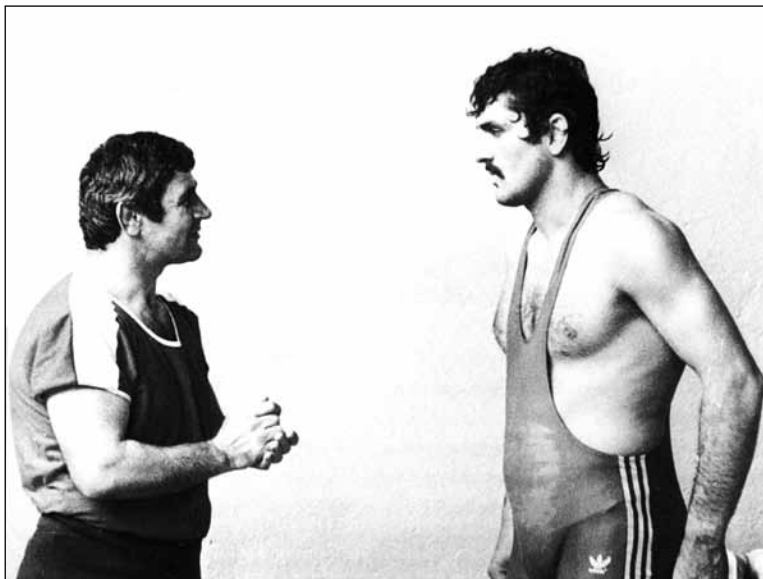
Для выхода в финал ему надо непременно выиграть у «старого знакомого», сильного и техничного немца Уве Нойперта, двукратного чемпиона мира (1978, 1982).

Лери эту схватку выиграл, но какой ценой! К полному разрыву правой паховой связки в первый день соревнований добавились надрывы брюшных и бедренных мышц. Ярыгин осторожно, чтобы не обидеть великого борца, предлагает сняться с турнира, не очень надеясь получить согласие. А подопечный верен себе – после шести уколов, с неутраченной болью полон решимости бороться за олимпийское золото.

«Я потом много думал, анализировал ситуацию, - вспоминает Хабелов. - Я понимал, что румын – не подарок. Техник он не блистал, но был выносливым и очень сильным... Только в одном я просчитался – думал, что Пушкашу будет меня атаковать, ведь я был абсолютно беззащитен».

40-летний Пушкашу не знает, какое счастье ему привалило. Помня силу своего самого «трудного соперника», не идет на сближение, бегаёт по ковра – бережет лопатки. Во второй половине схватки у обоих борцов по два предупреждения. Хабелов рискует, идет в наступление, пытается провести бросок и срывает-

▼ С тренером Вано Мествиришвили

▲ Лери Хабелов, Виктор Санеев, Сергей Бубна. Тбилиси. 2005

ся вниз. По тогдашним правилам риск наказывался. Пушкашу получает один балл – драгоценный подарок от судей, который делает его олимпийским чемпионом. Хабелов – второй. Счастливый румын, похоже, так и не понял, что соперник из-за травмы с трудом держался на ногах.

Так неожиданно завершился сеульский олимпийский турнир – сенсацией у борцов вольного стиля. Можно только догадываться, какой огонь мщения пылал в груди вице-чемпиона Олимпиады.

Хабелов решил расчитать с соперниками в следующем олимпийском четырехлетии, и, надо сказать, сильно преуспел. Конечно, надо было подумать о лечении. На него ушел почти год. На чемпионате СССР 1989 года в Махачкале он третий, после чемпиона Московской олимпиады москвича Санасара Оганисяна и чемпиона мира, первого абсолютного чемпиона мира-89 из Красноярска Ахмеда Атавова. А потом начал набирать чемпионские обороты: выиграл Тбилисский международный, чемпионаты мира в Токио и Варне, международный турнир серии Гран-при на призы Ивана Ярыгина в Красноярске...

На Олимпиаде-92 в Барселоне, избегая повторно наступать на одни и те же грабли, по собственному признанию, боролся по-другому, сам себя не узнавая.

«Человека осторожнее меня на Олимпиаде не было», - признается великий борец, заслуженный мастер спорта. Но и в кустах не отсиживался – последовательно им были побеждены по очкам турок Али Кайали, борец из ЮАР Иоханнес Росус, болгарин Мечислав Маковеев, венгр Шандор Киш, поляк Анджей Радомски...

Вот каким запомнился финал заслуженному мастеру спорта СССР и заслуженному тренеру СССР и России, доктору педагогических наук, профессору Юрию Шахмурадову: «Такого волнения он (Лери Хабелов – А.Е.) никогда в жизни не испытывал и думал, что свихнется от нервного напряжения. Он считал каждый свой шаг. Его противник, немец Хейко Бальц, был смелым,

агрессивным и рискованным борцом. Правда, до Барселоны Хабелов не раз побеждал его, но он хорошо помнил, что у Пушкашу он тоже до поры до времени выигрывал».

Как признался потом Лери, он откровенно боялся. Но не соперника, а Сеула – не хотел, чтобы Сеул догнал его. На второй минуте Лери сбил немца в партер, получив один балл. Потом, будучи нижним в партере, в борьбе поднялся в стойку – еще плюс один балл. На последней минуте, гася невообразимый наступательный пыл соперника, перед самым гонгом сознательно нырнул в партер. 2:1 – и Лери Хабелов олимпийский чемпион!

В 1993-1996 годах он по приглашению Ивана Ярыгина выступает за команду России. Чемпион РФ в тяжелом весе, в 1993-м снова чемпион мира (в пятый раз!).

На третьей для него Олимпиаде в Атланте после третьего круга из-за травмы вынужден сойти с дистанции.

Это последние выступления Лери Хабелова, олимпийского чемпиона, вице-чемпиона Олимпийских игр, 5-кратного чемпиона мира, обладателя Кубка мира, 4-кратного чемпиона Европы, 3-кратного чемпиона СССР.

Он возвращается домой, в Грузию.

34-летний борец, кавалер орденов Вахтанга Горгасала II степени и Чести – первый заместитель председателя Департамента спорта Грузии. В феврале 2005 года его избрали первым вице-президентом НОК Грузии. Работает, отдавая опыт и знания делу организации и развития отечественного спорта, готовит надежную молодую смену.

Заслуги великого борца перед отечеством получили новое признание. Лери Хабелов – председатель парламентского Комитета по спорту, президент Национального Олимпийского Комитета Грузии.

Арсен ЕРЕМЯН

▲ Коджорская улица

«Завлекают в Сололаки стертые пороги...»

Литературные страницы старого района

Он, наконец, добирается до этого города – города своей мечты! И в 1933-м оказывается в Тбилиси, о котором знает наизусть множество деталей. Запахи и цвета которого мысленно пытался уловить, проводя по его извилистым улочкам персонажей своих книг. И все это – с... берегов Невы. Блестящий ученый, писатель, историк Юрий Тынянов умеет существовать одновременно в разных временах, и в этом они с Тбилиси прекрасно друг друга понимают. Теперь уже он сам идет по следам своих героев-легенд – Грибоедова, Кюхельбекера, Пушкина и смотрит их глазами на город, одаривший его друзьями-легендами. Живет он в доме №7 на улице Дзnelадзе (ныне – Табукашвили) у знаменитого юриста Луарсаба Андроникашвили. Работать он спешит на улицу Мачабели, в Союз писателей, где его ждет в нетерпении поэт Тициан Табидзе. А по вечерам – гостеприимная квартира звезд кино, актри-

сы Нато Вачнадзе и режиссера Николая Шенгелая на столь хорошо нам знакомой Коджорской улице. Соединим на карте города эти точки и получим треугольник основного тыняновского, так сказать, ареала обитания. В который вписывается проспект Руставели, и две вершины которого (улицы Мачабели и Коджорская), опять таки – в Сололаки.

Но разве тбилисская жизнь может вписаться в геометрическую фигуру? Это все равно, что попытаться мечту втиснуть в сухую схему! А исполнившаяся мечта оказывается для Тынянова точь-в-точь такой, какой много лет виделась издавала. Город и впрямь завораживает, оказывается теплым, несмотря на октябрь, заполненным удивительными людьми. Уже написаны Тыняновым «Кюхля» и «Смерть Вазир-Мухтара», уже задуманы им примечания к пушкинскому «Путешествию в Арзрум». И так естественно теперь взойти по

▲ Юрий Тынянов. 1930

мтацминдским переулком на Святую гору – к другу Александру, постоять у его грота. И восхититься Ниной: «Молодец! Замуж второй раз не вышла, осталась ему верна. А Наталья переменяла фамилию Пушкина – на Ланская. Испытания не выдержала...» Но тут же, в оправдание: «Пушкин наказал ей носить траур по нем два года, а потом идти за другого. Она вдовствовала семь... Одна. Дети – Машка, Сашка... Младшие: Григорий и Наталья... Ей было трудно...» А потом подняться уже на Сололакский хребет и оттуда читать раскинувшегося внизу городу стихи другого Александра – «На холмах Грузии...»

Да, Грузию и ее столицу Тынянов полюбил заочно, работая над романами о пребывании там гигантов русской поэзии. А потом еще – и встречи в Ленинграде с людьми, ставшими для него главными притягательными магнитами по приезде в Тбилиси. Давайте-ка, откроем самые первые страницы их знакомства. Вот, в 1925-м Тынянов принимает вступительный экзамен в Ленинградский университет у юного выпускника тбилисской школы Ираклия, и первый его вопрос: «Вы учились в Тифлисе? Вот как! Не приходилось ли вам путешествовать по Военно-Грузинской дороге?» В ответ – рассказ юноши о том, как он проехал всю эту дорогу со школьной экскурсией, а обратно, из Владикавказа, прошел пешком. Следующий вопрос: «Скажите, похоже ли описан у Пушкина монастырь на Казбеке? Я еще не бывал в Грузии. Ваш рассказ очень для меня важен». И экзаменуемый захлеб рассказывает про Казбек, про ледники и про то место над Крестовым перевалом, откуда Пушкин мог одновременно видеть и Арагви, и Терек. Так продолжается полчасика. А вечером Тынянов звонит покровительствовавшему парню литературоведу Борису Эйхенбауму и сообщает, что тбилисец Ираклий Андроников принят в университет. Через несколько месяцев Эйхенбаум приглашает Ираклия и его брата, будущего знаменитого физика Элевтера Андроникашвили: «Юра написал роман «Кюхля». Великолечно. Хотите, прочитаем вслух?» Так молодые тбилисцы одними из первых знакомятся с замечательным романом о Вильгельме Кюхельбекере, служив-

шем и в Тифлисе. Причем, знакомятся из уст самого автора.

Проходит несколько лет, и отношения Андроникова с Тыняновым – уже нечто большее, чем простое знакомство. Окончив университет, Ираклий Луарсабович еще не имеет постоянной работы и (конечно же, бесплатно) начинает помогать Юрию Николаевичу «как бы в роли секретаря» - болезнь не позволяла тому зимой выходить из дома. И среди тех, чьи образы уточняются в ходе совместных литературных исследований, - хорошо знакомые нам тифлиские персонажи: Александр и Нина Чавчавадзе, Грибоедов, супруги Ахвердовы... Тогда, по состоянию здоровья, Тынянов не мог проехать по Военно-Грузинской дороге, чтобы побывать в Грузии. И он расспрашивает Андроникова «о расстояниях между почтовыми станциями, о пейзажах, о нравах и о Тифлисе». Ответы выслушивает внимательно, радуется своей проницательности, проявленной в романах: «Я не ошибся!» И, в ответ, рассказывает о том, что узнал из редких документов о Тифлисе 1820-х годов ...

А теперь заглянем в ленинградскую гостиницу «Европейская». Зимой 1930-31 годов здесь останавливаются Тициан Табидзе и Паоло Яшвили, к ним приходят Ираклий Андроников с братом. А еще там живут Борис Пастернак с молодой женой, и Тициан приглашает их в гости. В разговоре вспоминают Тынянова, с которым приезжие еще не знакомы, и Ираклию Луарсабовичу поручают по телефону уговорить писателя приехать в гостиницу. «За поручение я взялся, но в успехе уверен не был, - вспоминает Андроников. - Юрий Николаевич был очень чувствителен к тонкостям обращения. И посредничество мое мог презреть. Но не выполнить просьбу – и чью! Пастернака, Яшвили, Табидзе! Разве я мог! Волнуясь и запинаясь, я позвонил. И вдруг Юрий Николаевич заговорил с радостью, попросил к телефону Бориса Леонидовича, потом Тициана. И согласился. И вскоре пришел...» Придя, он был очарован Паоло и Тицианом, «произносил лестные приговоры» стихам собравшихся, и, конечно же, зашел увлекательный разговор о Грузии, «острыми впечатлениями» о которой делился и Пастернак. Так и знакомятся, ставшие друзьями на всю жизнь, грузинский поэт и русский писатель. «Помню, как потом долго и неотступно вспоминал Тициана Тынянов и Тынянова – Тициан. Слово они нашли друг друга, и это было заранее написано им на роду», - делится Андроников. Так что, дорогие читатели, легко представить, как после всего этого встречаются Тициан и Ираклий дорогого друга Юрия, когда тот, наконец, приезжает в Тбилиси...

Происходит это в октябре 1933-го. Накануне Первого Съезда писателей СССР большая группа русских писателей отправляется в Грузию, чтобы установить с местными литераторами более тесные контакты – и творческие, и деловые. Тынянов приезжает раньше остальных – Бориса Пастернака, Николая Тихонова, Ольги Форш, Валентина Гольцева и Петра Павленко. Уж, очень не терпится ему попасть в заветные места, да еще по той самой (!) Военно-Грузинской дороге. Да и поработать ему надо побольше, чем остальным: он - член редколлегии, а потом и главный редактор серии «Библиотека поэта», в которую намечено включить и грузинские стихи. В Тбилиси же Юрия Николаевича ждет не только Табидзе, но и Андроников, очень кстати приехавший к отцу. Его-то мы и попросим рассказать об основных моментах того, что можно было бы назвать «трудовыми буднями» и «досугом» приезжего, если бы эти понятия не были неразделимы для Тынянова в таком городе, как Тбилиси.

Итак, о работе: «Тициан не разлучается с ним. Живет, погруженный в XIX столетие в кругу Александра и Нины Чавчавадзе, Григола Орбелиани, Бараташвили, Пушкина, Грибоедова, Кюхельбекера и Полонского...

▲ **Ираклий Андроников с Алексеем Толстым**

Разговоры о сборнике «Грузинские романтики» для «Библиотеки поэтов» (он вышел потом). О большой антологии грузинской поэзии в ленинградском Детгизе... Тициан ночами трудится над подстрочниками, составляет комментарии, краткие биографии грузинских поэтов. Это большое умение – повести, показать Грузию, приворожить писателя или поэта, сделать его другом Грузии навсегда, влюбить его в Грузию...» Андроников приводит гостя в архив: «Он оживленно перелистывал еще не разобранные, никем не читанные прошения Кюхельбекера, резолюции генерала Ермолова. Был горд находками. Выписывал пространные цитаты, пояснял документы окружавшим его архивным работникам. Меня просто поразила тогда точность, с какой он угадывал, где могли оказаться интересные для него бумаги... И всех, кто его окружал, покорял деликатностью, мягкостью, скромностью». Еще Тынянов открывает для себя поэзию Александра Чавчавадзе: «Нужно перевести его стихи... И Николоза Бараташвили. И Орбелиани Григола. По всему видно, что поэты европейского класса. Тициан Юстинович Табидзе читал мне подстрочники...»

А это – уже о прогулках по городу, которые оказались отнюдь не просто досугом: «Заходили в погребки. Стояли выше Цициановского подъема. Потом спустились в Чугуретский овраг. Застроенный в ту пору халупами на разных уровнях, он был великолепен своей живописностью. И много раз потом, в Ленинграде, Тынянов вспоминал Чугурети и гордился им как открытием. Ходили в серную баню, чтобы соотнести впечатление с той страницей «Путешествия в Арзрум», на которой безносый Гассан моет Пушкина». Словом, «Тынянов совершал путешествие по следам Грибоедова и по страницам своих романов, запоминая подробности для следующего издания книги». Вдобавок к этому, вовсе не застолья становятся главными в домах Тициана

и новых друзей – Нато Вачнадзе и Николая Шенгелая, поэтов Георгия Леонидзе и Валериана Гаприндашвили, писателя Серго Квдиашвили... «Почти каждый вечер в честь Юрия Николаевича собирались то у того, то у другого. Редкое единодушие объединяло всех, ощущение общности творческих задач, чувство истинной дружбы этих замечательных людей и дружбы двух великих культур, которые они представляли, жадное желание как можно больше сообщить Юрию Николаевичу – рассказать ему о Грузии, о ее поэзии, раскрыть, объяснить, увлечь... Уже тогда становилось ясным, что эта дружба продолжится в письмах и в больших литературных делах. Так и стало».

Кстати, если уж, речь зашла о застольях, то надо сказать о моментах, прямо скажем, не очень характерных для гостей Грузии – Тынянов не так уж часто поднимал бокалы. Это отмечает еще один человек, сопровождающий его по Тбилиси – Акакий Гацерелия. Он всего лишь год, как окончил университет, и ему еще только предстоит стать писателем, литературоведом, заслуженным деятелем науки. Но в свои 23 года он уже считается специалистом по истории кавказских войн. И именно его Тициан просит помочь Тынянову в подготовке комментариев к пушкинскому «Путешествию в Арзрум». Еще он консультирует гостя и в подготовке сборника грузинских поэтов-романтиков. Именно он приводит Тынянова в университетское книгохранилище, где тот не только находит неизвестную рукопись одного из сосланных в Грузию декабристов. Его ждет приятный сюрприз: книгохранилищем руководит лектор Юрия Николаевича в Петербургском университете, всемирно известный ученый Григол Церетели. Именно Гацерелия несколько раз приходит с Тыняновым в Музей истории Грузии, где «превосходные пояснения» дают приезжему такие выдающиеся личности, как историк Леван Мухелишвили и литературовед, историк, этнограф Павле Ингорква. И именно начинающий литератор знакомит Тынянова в столовой Дома писателей с такими гигантами, как поэт Галактион Табидзе и писатель Михаил Джавахишвили.

В этой столовой Гацерелия ежедневно встречается с Тыняновым в четыре часа дня – остальное время,

▼ **Тициан Табидзе**

▲ Нато Вачнадзе с супругом Николаем Шенгелая и сыном Эльдаром

как мы уже знаем, тот проводит с друзьями. К молодому же помощнику он обращается не иначе, как с уважительным «коллега». А тому и несколько часов, ежедневно проводимых вместе, дают основания вспоминать не только о совместной научной работе. Так, он подчеркивает: «Тынянов избегал пить вино. И если пил, то два-три стакана». А когда Гацерелия, как и его старшие товарищи, в очередной раз старается прибегнуть к одному из самых традиционных обрядов гостеприимства, Тынянов смотрит на него с упреком: «Тицианом и вами движет одно намерение: дать мне выпить, чтобы я стал болтливым. Я сейчас отплачу за это: до завтра вы не услышите от меня ни слова!» Тут же добавляет: «Хотя... коллега, я и завтра выпью вашего прекрасного вина» и потом, в полном молчании, доходит до квартиры Андроникова. Вывод Гацерелия: «По существу, Тынянов играл им же выдуманную роль, и играл ее превосходно».

Но никакой игры нет и в помине, когда Юрий Николаевич, в очередной раз, объявляет: «Коллега! Прогуляемся по городу! Что вы предложите посмотреть?» И они отправляются бродить по столь влекущим гостя местам. «Он шел энергично, размахивая тростью, погрузившись в свои мысли, или заговаривал о Тбилиси, который, думаю, наблюдал глазами Кюхельбекера и Пушкина», - вспоминает Гацерелия. Правда, если мы внимательно приглядимся к их прогулкам, то увидим, что одна из них началась совсем не радостно. Только познакомившись и впервые побывав в университетском книгохранилище, оба едут в переполненном трамвае по проспекту Руставели. Да, дорогие читатели, сегодня уж мало, кто помнит, что этот вид транспорта, уже несколько лет, как исчезнувший из Тбилиси, когда-то гордо постукивал по стыкам рельс на его главной улице. Ну, а битком набитый тбилисский трамвай ничуть не отличается от такового в любом другом городе. И Тынянов неожиданно бледнеет, хватается рукой за сердце – у него пропали часы. Казалось бы, естественно сделать то же, что делают тысячи людей в таком положении – поднять панику со всеми скандальными, но редко дающими результат последствиями. Однако

Тынянов поступает так, как поступили бы аристократы духа, ставшие героями и его книг, и его судьбы.

«Единственная вещь, которая у меня от матери, - огорченно проговорил он, но тотчас взял себя в руки, - свидетельствует Гацерелия. - Никогда после за все время пребывания в Тбилиси он не обмолвился об этом, столь его огорчившем факте. - Жара... - сказал Юрий Николаевич после минутного молчания. - Мне трудно дышать... Сойдем. Пройдемся пешком... Мы сошли с трамвая. Тынянов шел, словно и не случилось ничего неприятного, и спрашивал о каждом маломальски примечательном здании на проспекте Руставели, в то же время вспоминая некоторые интересные места».

Что еще вспоминается его молодому коллеге? Что во время полемики Тынянов не терял самообладания и всегда оставался сдержанным. Что «легко находил общий язык со всеми, в ком замечал искреннюю любовь и уважение к человеку, - с пожилым и молодым». Что многие отмечали его умение быть язвительным, но в Тбилиси все остались «очарованными мягкостью его характера». И что не было ни одной их встречи, на которой Тынянов не заговорил бы о Пушкине: «У меня осталось впечатление, что мысли о гениальном авторе «Медного всадника» не покидали его никогда, владели каждой минутой его жизни».

Конечно же, такой человек не мог не стать своим для Тбилиси. И город одаривает его не только встречами и дружбой с лучшим своими жителями. Проходит не более недели после приезда Юрия Николаевича, а мы уже можем заглянуть в газету «Литература да хеловнеба» («Литература и искусство») от 7 октября 1933 года, чтобы прочесть заметку о нем. Там подчеркивается и то, что «писатель в настоящее время работает над большим романом о Пушкине». Тициан переводит гостю заметку, показывает фотографию в газете, и Тынянов улыбается: «И в русской прессе меня не балуют хорошими портретами. Когда я рассматриваю их, то кажусь себе почти уродом». Минуют еще три недели, и, кажется, флюиды благожелательности попадают из грузинской прессы в российскую. Слово Акакию

▲ Тбилисский трамвай

Гацерелия: «В бытность Тынянова в Тбилиси в газете «Известия» от 20 октября 1933 года была напечатана большая статья А. Старчакова «Проза Тынянова». Она прозвучала некоторым приятным диссонансом среди ранее опубликованных статей об авторе «Смерти Вазир-Мухтара»... Мне приятно вспоминать, что я лично передал ему газету со статьей о его творчестве. Он быстро прочел ее и ничего не сказал, но хорошее настроение, которое не покидало его весь день, было более чем красноречивым». Что ж, лестно сознавать: этот приятный момент, связанный с не баловавшей его прессой, Тынянов пережил именно в Тбилиси.

Но не только сбором исторических материалов для будущих книг живет Тынянов на берегах Куры. Посмотрим, с каким рвением берется он за ранние русские переводы стихов Николоза Бараташвили. Строфы его не удовлетворяют, он называет некоторые из них «бес-

помощной и анемичной копией оригинала», считает, что «общепринятая характеристика лирики Бараташвили совершенно не согласовывается с этими переводами». И, по его просьбе, Гацерелия составляет метрические схемы стихотворения «Мерани» специально для Михаила Лозинского, который «смог передать своеобразие ритма текста». С грузинскими друзьями Тынянов беседует о возможности перевода «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели все тем же Лозинским и о том, что «о писателе с такой интересной биографией», как Григол Орбелиани, «можно бы написать целый роман». К сожалению, выполнить эти задумки не удалось, но, все равно, заслуги Тынянова перед грузинской литературой трудно переоценить. Под его редакцией в 1939 году выходит русский перевод «Мудрости вымысла» Сулхана-Саба Орбелиани, а через год – тот самый сборник стихов «Грузинские романтики» в большой серии «Библиотека поэта», материалы к которому он собирал в Тбилиси.

А еще откроем первую страницу «Литературной газеты» от 26 ноября 1937 года. На ней – статья Тынянова «Дата мирового значения», посвященная 750-летию со дня рождения Шота Руставели. Оно названо «великим юбилеем» наравне со 100-летием со дня рождения Пушкина. Многого стоят хотя бы такие слова: «Великий грузинский эпос пронес всю свою силу, молодость и обаяние через века до наших дней. Я не знаю в мировой поэзии более вечных, более молодых женских слов, чем письмо Нестан-Дареджан своему рыцарю, чем плач Ярославны в Путивлеграде на городской стене, чем письмо Татьяны к Онегину!..» Тынянов утверждает, что перед русскими поэтами «стоит почетный и радостный долг полноценного перевода великого грузинского поэта». И выдвигает девиз: «Пусть Нестан-Дареджан станет сестрою Ярославны и Татьяны».

Конечно, литератор такого масштаба, полюбивший Грузию еще до знакомства с ней, сделал бы многое из всего этого, даже не приезжая на берега Куры. Но какое счастье и для Тбилиси, и для Тынянова, что их встреча, о которой писатель мечтал столько лет, все-таки состоялась! Ведь, по словам Ираклия Андроникова, «этот его приезд, несомненно, принадлежал к самым светлым и радостным дням его жизни».

Владимир ГОЛОВИН

▼Анакий Гацерелия

Калуга. Железнодорожный вокзал

СПИЧЕЧНЫЙ КОРОБОК

РАССКАЗ, ПОХОЖИЙ НА КИНОСЦЕНАРИЙ

Высокий сутулый старик шел по проспекту Руставели.

Большие резные листья чинар плавали над проспектом, окрашивая воздух в золотисто-желтые и бордовые тона, а сами деревья были усыпаны колючими бурыми шишечками.

Старик подходил к газетному киоску. Завидев его, знакомая киоскерша, наклонилась под прилавок и достала стопку отложенных газет и журналов. Улыбаясь, протянула их старику. Он расплатился и, засунув стопку в раздутый портфель, пошел дальше.

Старик шел по проспекту Руставели. Многие встречные прохожие здоровались с ним. Он приветливо отвечал легким поклоном головы.

У овального стола, покрытого белой скатертью, сидели девушки и молодые люди. Они что-то горячо обсуждали, время от времени обращаясь к не молодой уже женщине с папиросой «Беломор» в тонкой руке. Видно, что она – душа компании и непререкаемый авторитет. Это – хозяйка дома, Елена Шалвовна. Культуролог, специалист по истории русского и грузинского театра. И все эти молодые люди – ее ученики, студентки и студийцы. Они просто обожают ее, почти боготворят, но почему-то почти все фамильярно называют тетей Татой. Ей уже за пятьдесят, она моложе своего мужа лет на 20-25. Елена Шалвовна с интересом смотрела на них, но вдруг с неожиданно строгим выражением на подвижном лице что-то объясняла, говорила серьезно, и все сразу замолкали и внимательно ее слушали.

Этот дом всегда наполнен оживленными молодыми людьми. Здесь читают стихи, поют, яростно спорят об искусстве, задают вопросы, получают ответы и тут же возражают, перебивая друг друга. Решают хором кроссворды, хохочут, иногда надолго замолкают, слушая музыку или погружаясь в какие-то рукописи.

А квартира? Да самая типичная интеллигентская тбилисская квартира, где часть длинного балкона застеклена и превращена в кухоньку. Все стены увешаны картинами, эскизами костюмов и театральными фотографиями, на которых не только сцены из спектаклей, но и групповые снимки артистов – на гастролях, на фоне поезда, на отдыхе. Среди них можно увидеть и лица известных и самых великих грузинских актеров и режиссеров – Котэ Марджанишвили, Верико Анджапаридзе, Серго Закариадзе и даже... Немировича-Данченко.

За письменным столом, заваленным папками и бумагами, сидел уже знакомый нам старик, Гугули Анзорович, хозяин дома. Чуть прислушиваясь к беседе за овальным столом, он занимался своим делом: доставал из папок какие-то листочки, подносил близко к глазам, рассматривал в лупу и снова прятал в папки. Издали могло показаться, что он работал с какими-то важными документами. Но при ближайшем рассмотрении становилось видно, что он с увлечением сорти-

ровал и раскладывал по кармашкам марки и этикетки спичечных коробков.

Между тем за овальным столом разворачивался яростный спор. Молодые люди и их наставница говорили о поэзии.

- Да они оба – грандиозные поэты!
- И все-таки я больше люблю Тициана!
- Нет! Что ты! Галактион крупнее, масштабнее!

Даже трагичнее!

- Сравнить нельзя! Сравнить нельзя!
- Тетя Тата, Вы как считаете?
- Как я считаю? Вот Галактион!

Елена Шалвовна читала стихи прокуренным, сорванным на лекциях шипяще-хриплым голосом, почти шепотом, но очень выразительно:

Но я забыл твое лицо!

Твой профиль нежный, твой дикарский,
должно быть, темен, как крыльцо
ненастною порой декабрьской?

И ты, должно быть, на виду
толпы заботливой и праздной
проносишь белую фату,
как будто траур безобразный?

Не хорони меня! Я жив!
Я счастлив! Я любим судьбою!
Как запах приторен, как лжив
всех роз твоих... Но Бог с тобою.

- Джемал, помнишь «Будь дальней» Тициана?
Прочти!

Джемал читал с сильным грузинским акцентом, отбивая такт рукой:

Будь дальней! Бездну отдаленья
Тоской заполню. Ведь на свете
Нас только двое. Так и встретим
Мы даже светопреставленье.

Я не задам тебе вопроса
О сущности моих влечений.
Но знай, что ты – моих мучений
Нераспустившаяся роза.

Меня твой дальний ветер будит.
Душа о шип твой зацепилась.
Возьми ее. О, сделай милость!
Она тебе не в тягость будет.

Тата прервала его:
- А это?!

Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут
Меня, и жизни ход сопровождает их.
Что стих? Обвал снегов. Дохнет – и с места сдышит,
И живо схоронит. Вот что стих.

- Это же великолепно: «Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут меня...»!!!

Девушка горячо возражала:

- Ну, да – в переводе!!! Еще неизвестно, кого здесь больше – Бориса Пастернака или Тициана Табидзе!

- А на грузинском еще лучше звучит! Как музыка!

Постукивая по столу в определенном ритме, Елена Шалвовна – Тата читала стихи на грузинском языке.

Гугули Анзорович слушал, застыв с лупой в руке, и по его губам было видно, что он мысленно читал стихи вместе с нею.

Молодой человек очень тихо перебирал струны гитары.

И в это время над головами послышались топот и шарканье множества ног, абажур над столом начал раскачиваться как сумасшедший, и с потолка посыпалась белая пыль. Это – публика покидала зрительный зал после очередного киносеанса. Квартира находилась на цокольном этаже. Прямо над ней располагался известный городской кинотеатр.

Гугули Анзорович доставал из почтового ящика письмо. Адрес был написан крупным детским почерком. Письмо было из России, из небольшого городка в Сибири, от незнакомого мальчика.

Гугули Анзорович, шевеля губами, читал письмо.

«Здравствуй дорогой Гугули!

Пишет тебе Слава Левашов из Сибири. Я хочу с тобой переписываться. Твой адрес я нашел в справочнике коллекционером и узнал, что ты тоже сабираешь спичечные этикетки. А я сабираю и этикетки и марки. У меня их уже очень много. Мы можем обмениваться с тобой. Давай будем переписываться и дружить. Напиши хочешь ли ты дружить со мной? Я учусь в 4 классе. Хорошист. Напиши в каком классе учишься ты?

Я сейчас болею. Упал кагда катался на коньках и сламал пазваночник. А ты хорошо катаешься на коньках?

Жду ответа как сальной лета.
Слава»

Гугули Анзорович засмеялся и, скорчив забавную гримасу, произнес: «Жду ответа, как соловей лета»!

Гугули Анзорович смотрел прямо перед собой.

Все было заполнено мандаринами. Они висели на деревьях, и, казалось, спускались прямо с неба; ими были заполнены большие плетеные корзины; женщины стояли на лесенках под деревьями и, улыбаясь, передавали мандарины из рук в руки...

Смуглый мальчик лет десяти с огромными черными глазами в пушистых ресницах жонглировал мандаринами и кидался ими, как снежками. Внезапно это оранжевое «море» раздвинулось, впустило в себя белый цвет, и в середине ледяного поля, почему-то усыпанного мандаринами, завертелся волчком светлоголовый мальчик на коньках.

Гугули Анзорович сидел за овальным столом и пил чай из тонкостенного стакана в красивом подстаканнике.

Тата играла на пианино.

Директор Театрального музея Грузии Гугули Анзорович принимал делегацию артистов и режиссеров из Японии. Он лично водил их по залу Художественного музея и показывал картины Пиросмани и Гудиашвили.

Японцы смотрели, восхищались и фотографировались на фоне шедевров.

Гугули Анзорович быстро шел по улице Кецховели в

направлении Центральной публичной библиотеки.

Гугули Анзорovich сидел в читальном зале публичной библиотеки и листал школьные учебники, что-то из них выписывал.

Гугули Анзорovich сидел за своим, заваленным папками, столом и что-то напряженно писал. Он задумывался, шевеля губами и глядя прямо перед собой огромными темными глазами, потом снова склонялся над листком бумаги в клетку, вырванным из школьной тетрадки. Он писал, старательно подделываясь под детский почерк: «Я тоже учусь в 4 классе. Мой любимый предмет география. Мне нравится узнавать про разные страны и столицы». Гугули Анзорovich перечитал написанное, подумал и поправил в слове «столицы» букву «о» на «а»: «... про разные страны и сталицы. И я люблю читать книги про путешествия и разные приключения. Я не умею кататься на коньках, потому что в Тбилиси очень теплая зима и почти никогда не бывает снега. Зато у нас есть горы».

Тата стояла за спиной своего мужа и читала, что он написал. Засмеялась и шуточно погладила по голове, как ребенка. Он посмотрел на нее неожиданным для его возраста очень мужским взглядом и поцеловал руку. Она снова засмеялась и быстро прошла на кухню.

Тата сидела на табурете в кухне, нога на ногу. Смотрела в окно. Автоматическим жестом, не глядя, взяла лежащую на столике пачку «Беломора», выбила оттуда папиросу, жадно затянулась.

Гугули Анзорovich доставал из почтового ящика письмо.

Гугули Анзорovich открывал конверт. Из него выпали две марки и этикетка спичечного коробка. Он рассматривал их.

Гугули Анзорovich читал письмо.

«Здравствуй Гугули!

Я получил твоё письмо. Знаешь мне больше всего нравятся книги про войну. Особенно про то когда сражаются дети. Мне мама принесла из библиотеки очень

интересную книгу. Отряд Трубачева сражается. Ты не читал? Как жалко что война уже кончилась. Я очень мечтаю защищать нашу страну. Кем ты хочешь быть, когда вырастишь? Раньше я хотел быть учителем физкультуры но теперь твердо решил что когда паправлюсь и смогу ходить начну тренироваться и стану летчиком.

Жду ответа как саловой лета.

Слава»

Гугули Анзорovich смотрел прямо перед собой.

Солдаты месили мокрые грязные листья, передвигаясь по перелеску; раздавались хлюпающие звуки; редкие огненные всполохи освещали вечернее небо...

Несколько раз Гугули Анзорovich наклонялся, начинал писать, потом зачеркивал, снова думал, смотря прямо перед собой и шевеля губами, рвал написанное. Снова думал. Наконец, решительно взял новый листок и написал:

«Я тоже хочу стать летчиком».

Гугули Анзорovich читал письмо.

«Здравствуй, Гугули!

Мне сегодня подарили котеночка. Чтоб я не очень скучал. Котенок серенький. Зовут Муркой. Кагда вырастит станет пушистой кошкой.

Уже год как я не могу ходить. Со мной занимаются чтоб я не очень отстал. Приходят учительницы по разным предметам. Кагда я снова смогу ходить мама обещала поехать со мной к морю. Я посмотрел по атласу. Тбилиси очень близко от моря.

До свиданя

Слава»

Гугули Анзорovich смотрел прямо перед собой.

На перилах деревенского грузинского дома на столбиках растянулась изнывающая от жары рыжая кошка. На нитках вдоль всего балкона висели лук, чурчхелы, порезанные ломтиками яблоки и груши. Ярочно-красный петух ковырялся в опилках и сзывал кур к трапезе.

Гугули Анзорович писал.

«У меня тоже есть кошка. Ее зовут Мзия. Потому что она совсем рыжая и похожа на солнышко. А на грузинском языке это слово - Мзэ. Хочешь, я буду учить тебя грузинскому языку? Когда ты приедешь в Тбилиси, уже будешь знать какие-то грузинские слова. У нас слова очень точно отражают смысл слов. Звуками. Например, слово «пушка» по-русски звучит слишком мягко. А по-грузински – грозно, звучно: «зарбазани». Или есть фраза на грузинском, которую не могут произнести люди иноязычные. «Лягушка квакает в воде». Там звуки передают и кваканье, и журчание воды. В других языках таких букв и звуков просто нет!..»

Гугули Анзорович задумался. Перечитал написанное. Зачеркнул последние фразы. И начал переписывать письмо. Теперь оно выглядело так:

«У меня тоже есть кошка. Ее зовут Мзия. Потому что она совсем рыжая и похожа на солнышко. А на грузинском языке это слово – Мзэ. Хочешь, я буду учить

тебя грузинскому языку? Когда ты приедешь в Тбилиси, уже будешь знать какие-то грузинские слова.

Я жду тебя.
Гугули».

В уже знакомой нам квартире кто-то брэнчал на пианино. Под эту бравурную музыку юноши азартно натирали до блеска полы, передвигали горшки с цветами и мыли подоконники. Девушки осторожно снимали со стен картины и фотографии в рамочках и вытирали пыль. На этажерке в углу стояла еще не украшенная небольшая елочка. Во всем ощущалось приближение праздника. Не смолкал смех. Напевали. Сначала не стройно, обрывочно, но постепенно вытесняя бравурную музыку, зазвучала песня «Мхолод шен эртс».

Тетя Тата, склонившись над кухонным столом, укладывала посылку: мандарины, гозинаки, чурчхелы, орешки. Рядом сидел Гугули Анзорович, он складывал в большой конверт марки и спичечные этикетки. Передавал конверт Тате. Она переключала сладости бумагой для компрессов. Сверху над всем устраивала конверт с марками.

Время от времени сверху, как всегда, доносились

топот и шарканье множества ног, абажур над столом начинал раскачиваться, и с потолка сыпалась белая пыль: после очередного киносеанса публика покидала зрительный зал.

Студийцы Сеня и Женя входили с посылкой в Центральный Дом связи.

Гугули Анзорович шел по проспекту Руставели. Воздух казался мягким и прозрачным от светлой молодой листвы. Встречные здоровались как-то особенно приветливо.

Гугули Анзорович привычно подходил к газетному киоску, и, завидев его еще издали, киоскерша начинала улыбаться и доставать отложенные газеты и журналы.

Гугули Анзорович шел по проспекту Руставели.

Гугули Анзорович открывал почтовый ящик. Но писем не было. Для верности Гугули Анзорович даже шарил рукой внутри ящика. Писем не было.

Гугули Анзорович шел по проспекту Руставели.

Гугули Анзорович сидел за своим письменным столом и механически раскладывал по кармашкам спичечные этикетки и марки.

За овальным столом молодые люди слушали Елену Шалвовну и записывали за ней. Готовились к экзаменам.

Гугули Анзорович шел по проспекту Руставели.

Подходил к киоску...

Открывал почтовый ящик...

Шарил рукой внутри ящика...

Гугули Анзорович шел по проспекту Руставели.

Светило яркое весеннее солнце. По веткам деревьев скакали шаловливые воробьи.

Гугули Анзорович доставал из почтового ящика извещение на бандероль.

Гугули Анзорович в Доме связи получал бандероль.

Гугули Анзорович за своим письменным столом доставал из бандероли марки, этикетки спичечных коробков и два листочка писем.

Взрослым почерком было написано:

«Дорогой Гугули!

Пишет тебе мама Славика. Его больше нет. Он умер от своей болезни. Передай своей маме спасибо за новогодние гостинцы. Нам со Славиком они очень понравились. Славик очень гордился дружбой с тобой. Он всегда ждал твоих писем и надеялся побывать у тебя в Тбилиси. Я посылаю тебе его коллекцию, все его «ценности» и недописанное письмо к тебе. Не забывая Славика!

Желаю тебе учиться только на хорошо и отлично.

Я рада, что у моего сына другом был такой хороший добрый мальчик».

«Дорогой Гугули!» - было написано знакомым детским почерком.

Гугули Анзорович, по-старчески шевеля губами, смотрел прямо перед собой.

В лучах белого света прожекторов на коньках катался улыбающийся светлоголовый мальчик. Вот он оказался в самом центре сияющего ледяного поля и завертелся волчком, подняв ногу к голове. Тут же, на ослепительно белом пространстве льда, катились разбросанные кем-то ярко-желтые мандарины.

Лана ГАРОН

В ОЖИДАНИИ МАЙСКИХ ГРОЗ

**Грянул майский гром и веселье бурною, пьянящею волной
Окатило. Эй, вставай-ка и попрыгай вслед за мной.
Выходи во двор и по лужам бегай хоть до самого утра.
Посмотри, как носится смешная и святая детвора...**

(Ю.Шевчук)

Гуляния на 1 мая – т.н. маевки «зародились» в России по указу Петра I, который гласил о необходимости проведении по весне народных гуляний. Устраивались ярмарки со всевозможными сладостями, праздничные представления.

Истоки празднования берут начало в древнем Риме, где 1 мая почитали богиню плодородия Майю...

Древние славяне в этот день приносили дары богу плодородия Дажьбогу. В старинных легендах нередко можно встретить словосочетание «даждьбожьи внуки», когда подчеркивалось княжеское происхождение героя.

В этом году светлый праздник Пасхи у православных приходится на 5 мая. И потом еще всю неделю эхом будут слышны слова: «Христос воскрес!» - «Воистину воскрес!» В первое воскресенье после Христова Воскресения отмечают Фомино воскресенье, в народе – Красную горку, день после Великого поста, когда вновь заключаются браки. В этом году праздник выпадает на 12 мая. Принято навещать могилы родных, и считается, что: *В Красную горку родители из могилы теплом дохнут.* А следом за ней 14 мая идет Радоница – поминальный вторник.

Юрий на порог весну приволок... или: Пришел Егорий, и весне не уйти. Так говорят с наступлением 6 мая. Это день Егория Вешнего – известного также под име-

нем Юрия.

В году есть два Юрьевых дня – осенний, когда крестьянам позволялось перейти от одного помещика к другому, и весенний, в который первый раз после зимы выгонялся на пастбища скот. По церковному календарю это дни памяти Святого Георгия Победоносца. Если у западных народов святой Георгий почитался как покровитель рыцарства, то у славян его почитали как защитника не только воинов, но и земледельцев и скотоводов.

*Синие версты
И зарева горние!
Победоносного
Славьте – Георгия!
Славьте, жемчужные
Грозди полуночи,
Дивного мужа,
Пречистого юношу:
Огненный плащ его,
Посвист копыя его,
Кровокипящего
Славьте – коня его!
(М.Цветаева)*

2 (15) мая празднуют перенесение в Вышгород мощей первых русских святых, мучеников-страстотерпцев

князей Бориса и Глеба. Их называют сеятелями, существует поговорка: *Борис и Глеб сеют хлеб*. И этот же день считается соловьиным праздником. *Соловей птица малая, а и та знает, когда месяц май*.

По православному церковному календарю 8 (21) мая празднуют день апостола и евангелиста Иоанна Богослова. В народе его прозвали Иван Пшеничник. *Иван Пшеничник, загоняй кобылицу, паши пашню под пшеницу*. Традиционно было принято печь обрядовые, или как их называли «обетные» пироги, которые раздавались нищим и странникам.

День Никола Вешнего, Травного, отмечается 9 (22) мая. Это Никола Чудотворец весенний, а есть и зимний. Но и один, и второй устанавливают погоду. *Никола вешний – с теплом, Никола зимний – с морозом*. А вот еще: *Никола осенний лошадь на двор загонит, а Никола весенний лошадь откормит*.

В последнее воскресенье мая существовал у славян праздник Кукушечки. Молодые девушки хороводили, пели песни, разжигали костры... Именно в этот день происходил обряд «кумления» - можно было породниться с близким по душе тебе человеком, иными словами «покумиться». Плели березовый венок, и надо было через него поцеловаться со словами: *Кумись, кумись, роднись, роднись, у нас на двоих – общая жизнь. Ни радость, ни слезы, ни слово, ни случай – нас не разлучат*.

*Небо синее, как на картинке.
Утро майское. Солнце. Покой.
Улыбается жук на тростинке,
словно он именинник какой.
(Б.Окуджава)*

Алена ДЕНЯГА

КАК СОЗДАВАЛСЯ «ПИРОСМАНИ»

▲ Эраст Кузнецов

Имя Эраста Давидовича Кузнецова давным-давно стало слитным с именем Пиросмани. «Тот самый Кузнецов» преподнес нам, почитателям творчества великого грузинского живописца, очередной подарок. В конце 2012 года в канун 150-летнего юбилея Пиросмани в Санкт-Петербурге тиражом (увы, всего лишь) в 1000 экземпляров вышла книга Э.Кузнецова «Пиросмани».

Основной текст, знакомый нам по предыдущим изданиям (1975, 1984, 2002) несколько уточнен и состоит из трех частей. Его предваряет предисловие автора, и дополняет обширное приложение, состоящее из докладов и статей автора, написанных в 1977-1996 гг. Эти работы являются глубоким и тонким анализом различных аспектов творчества Пиросмани. Знаменательно, что текст 1996 года опубликован под заголовком «Городской живописец? Дилетант? Гений!» Именно так: гений. К такому бесповоротному заключению пришел Э.Кузнецов после многолетней кропотливой и скрупулезной работы по сбору и изучению материалов, связанных с жизнью и творчеством грузинского художника. Об этом автор рассказывает в главе новой книги «Как писался «Пиросмани». Воспоминания». Она в высшей степени интересна читателю. Несмотря на то, что у Э.Кузнецова за плечами десятки книг о художниках, сам он считает свою книгу «Пиросмани» лучшей.

По его признанию, она многое изменила в его жизни и в нем самом, и эта книга – та, которую можно писать всю жизнь.

А началось все случайно. Новый заведующий редакцией Ленинградского отделения издательства «Искусство» Борис Сурис предложил ему, писавшему тогда о книжном искусстве, сделать материал о художнике Нико Пиросманашвили. Предложение сначала озадачило по ряду причин, а главной – было сдержанное отношение к «примитивам», поверхностное знакомство с творчеством художника.

Летом 1969 г. Э.Кузнецов начал работу и ему открылась странная притягательность Пиросмани. Поиски новых сведений были увлекательными и трудными. Он стал чаще приезжать в родной Тбилиси, приходил в Музей искусств, знакомился с людьми, беседовал с А.Варази, Т.Мирзашвили, Д.Цицишвили, Г.Шенгелая, А.Мадзгарашвили и многими другими. Приходилось преодолевать стереотипы вокруг Пиросмани.

В 1974 г. книга «Пиросмани» вышла в свет и стала рубежом в жизни ее автора. Я помню, какое впечатление она произвела тогда на грузинского читателя. Специалисты и обычные люди говорили о ней только в превосходной степени. Это было как бы новым обретением Пиросмани.

С тех пор Пиросмани не отпускал своего предан-

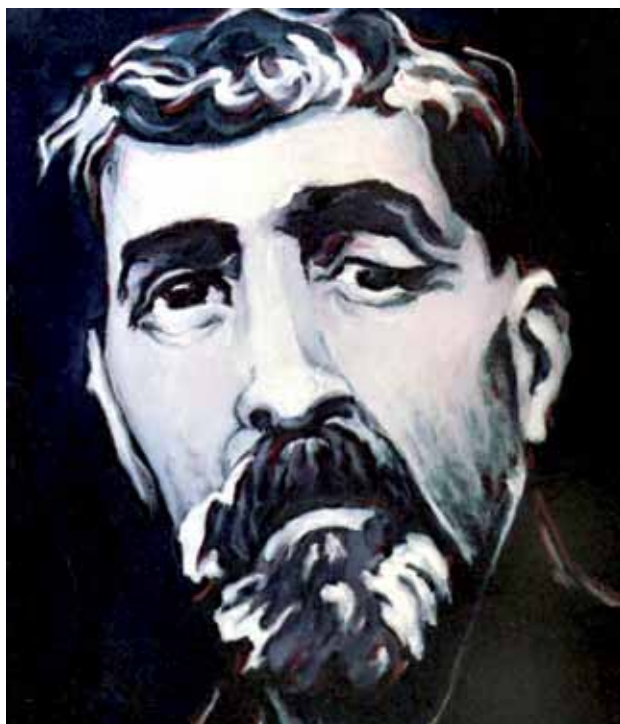
ного почитателя и биографа. Книга переиздавалась (с дополнениями, новыми сведениями). Новые мысли Э.Кузнецов воплощал в докладах и статьях.

Последним изданием «Пиросмани», признается Э.Кузнецов, он завершает свою «Пиросманиану», т.к. считает, что сегодня Пиросмани и его творчество нуждается в аналитическом, систематизированном научном исследовании, «тут нужны усилия не одного человека, я же сделал, что мог, и пусть, кто может, сделает лучше».

В новом издании «Пиросмани» - обширный ряд цветных и черно-белых иллюстраций. Здесь и картины художника, и фотографии с видами старого Тбилиси, грузинскими типажам, национальных костюмов. На шести страницах помещена справка эксперта-криминалиста относительно прижизненных фотографий Пиросмани.

Грузия, грузинская культура и изобразительное искусство занимают значительное место в жизни и профессиональной деятельности Э.Кузнецова. Тому свидетельство – еще одна его книга: «Графиня покидает бал», изданная в Москве в 2010 году тиражом в 500 экземпляров. Это – сборник наиболее важных для автора и лучших его статей, опубликованных в разные годы или неопубликованных по разным причинам. Она интересна не только специалистам, но и читателям, любящим искусство. На ее страницах – целая портретная галерея художников разных эпох, разных стран, различной специализации (графики, живописцы, сценографы, мастера книжной иллюстрации). В книге представлены статьи не только о Н.Альтмане, А.Родченко, З.Серебряковой, Б.Мессерере, А.Ахматовой, К.Малевиче, художниках шестидесятниках, но и о В.Шухаеве, А.Варази, Г.Алексимехишвили, Т.Мирзашвили, Р.Габриадзе, Э.Тигишвили (Гуджа).

Как некогда А.Моруа, автор сборника Э.Кузнецов создал свои литературные портреты. В его пересказе, его герои – творцы со своей судьбой, талантом, устремлениями и личностными качествами. Каждый из них по-своему открывает нам мир, красоту, прекрасное, духов-

▲ Портрет Нико Пиросмани

ное. Э.Кузнецов пишет о каждом по зову сердца, исходя из своих представлений о творце, творческом процессе, причем делает это с индивидуальным подходом. Он искренне, внимательно и очень проницательно пишет о художниках. На нескольких страничках предстает их завершённый и полный образ, «нарисованный» немногословно, но убедительно и точно.

Хочется отметить, как автор живо общается с читателем прекрасным четким и ясным слогом, тонкими определениями. Читаешь от начала до конца, не отрываясь.

Сегодня, в условиях утверждения глобалистского искусства, псевдоязыческих штудий, бессодержательных и безличных, когда художник – не обязательно личность, так важно сохранять художественные традиции, идеалы прошлого. Сегодня в искусстве доминирует вовсе даже не символ, не знак, равнодушный. И этот знак делает (не создает) некто (не художник). Э.Кузнецов знакомит и вводит нас в творческий мир, который неотрывен от Культуры.

Замечательный профессионал, писатель, историк-искусствовед, скромный и обаятельный человек с отзывчивой душой – Эраст Кузнецов родился в Тбилиси 29 мая 1933 года.

Диплом историка-искусствоведа он получил в 1956 г. в Ленинграде. Работал художественным редактором в издательствах, много лет занимается литературным трудом. Он – автор 16 книг, сотен статей и докладов. Он живет в Санкт-Петербурге, но как он любит Тбилиси! Через его долгую жизнь проходят образы-воспоминания о тбилиском детстве, родительском доме, о Тбилиси другом – забытом, неизвестном новому поколению.

Э.Кузнецов всю жизнь стремится беречь достоинство искусства, как проявление человечности. Спустя годы, я, знающая почти наизусть «Пиросмани», по-прежнему увлеченно читаю Эраста Кузнецова, признаюсь в этом.

Ирина ДЗУЦОВА

Эрасту Давидовичу Кузнецову в этом месяце исполняется 80 лет. Редакция «Русского клуба» поздравляет с юбилеем, желает крепкого здоровья на долгие годы, новых открытий и публикаций. Мравал-жамиер!

▲ Наталия Элердашвили

К ЧУДЕСАМ НЕВОЗМОЖНО ПРИВЫКНУТЬ

С живописцем, скульптором-миниатюристом Наталией Элердашвили я познакомился более двадцати лет назад. Уже тогда, подходя к особняку в старом городе, я ощутил, что эта картинка врезается в мою память навсегда. Какое-то чувство неизблемости овладевало мною, когда я поднимался на второй этаж, в мастерскую Наталии.

Но это только внешне обитель выглядит мирно дремлющей в лоне словно бы нетронутого временем городского пейзажа. На самом деле творческая жизнь внутри этих стен не прекращается все эти годы...

- Самой удивительно, что лет до 19-ти и не думала не гадала, что стану художником, - рассказывает Наталия. - Родилась в семье потомственных геологов, с детства решила посвятить себя этой благородной науке. Примером мне служила успешная деятельность дедушки – патриарха грузинской гидрогеологии Семена Исидоровича Элердашвили, автора основополагающих научных трудов в области инженерной геологии, долго и плодотворно работавшего в Грузии, на Кубе, в Ираке, в Сирии... После смерти дедушки мама,

Ивонна Семеновна, фанатично преданная геологии, продолжила его работу в Сирии; она также всю свою жизнь посвятила поиску минеральных источников на территории Грузии. Коллекция минералов, собранная дедушкой, - одно из самых ярких детских впечатлений. Я рассматривала их в старый дедушкин микроскоп, и передо мной вырастали причудливые замки, фантастические создания, волшебные рощи. Я окуналась в сказку, любясь игрой светотеней, переливами оттенков, объемом пространства. Наверное, поэтому моему творчеству чужды отрицательные эмоции, и я отображаю их крайне редко, только в силу необходимости, но никак не желания.

- И слава богу. Хватает на свете художников, талантливых и даже гениальных, которые, как метко и едко заметил один французский критик, «пишут так, будто весь мир – лазарет, а все люди – больные».

- У меня не было питательной среды чтобы лелеять негативные эмоции. С детства ездила с мамой в горы, росла, можно сказать, больше под открытым небом. А дома всегда было много цветов – Семен Исидорович был еще и известным цветоводом, сохранилась его переписка со знаменитым на весь мир создателем волшебного сада в Мцхета Михаилом Мамулашвили. Кстати, его страсть копаться в земле, выращивать редкие сорта роз, фруктовые деревья, унаследовала и я. Впервые вышла возиться в саду 5-летней малышкой с детской лопаточкой. А потом тот же путь проделала вместе со мной и дочь Тамрико. С юных лет и по сей

▼ Старый Тбилиси

▲ Коджорский лес

день возделываю и пишу свой сад, как бы беря пример с одного из любимых моих художников Клода Моне, писавшего свои сады в Живерни. Я побывала там, и это останется одним из восхитительнейших впечатлений в моей жизни. Как и посещение мастерской Ренуара в Кань-сюр-Мер близ Ниццы – никогда не забуду ауру, исходящую от его мольберта, и священный трепет, приведший душу в смятение, когда я присела на его «скамью раздумий» в парке усадьбы Колетт. Теперь в моем саду цветут любимые фиалки – этих цветов здесь восемь сортов, несколько сортов тюльпанов, ирисов. И, конечно, розы. Я выращиваю их из малюсеньких отростков – и какое это чудо – от земли сантиметров 15 – и цветет! К таким чудесам невозможно привыкнуть...

- *Невозможно оторвать взгляд и от вашего микрокосма – живописных полотен на стенах и скульптурок «Старого Тбилиси в миниатюре» - здесь, за витриной, на полке – целый квартал, заполненный горожанами разных сословий и достатка...*

- К миниатюрной скульптуре я пришла через живопись. «Крестным» стал артист Виталий Доронин (помните «Свадьбу с приданым»?). Он дружил с моими родителями и однажды подарил мне набор пастелей. Мама дружила с дочерью Ладо Гудиашвили, Чукой, а ее муж, художник и главный режиссер тбилисского Театра оперы и балета Гурам Мелива, разглядел во мне способности, показал мои рисунки своему выдающемуся тестю. Едва взглянув на первый же лист, Ладо Гудиашвили сказал: «У этой девочки талант, обязательно должна учиться».

- *И что это был за рисунок?*

- «Старый Тбилиси» - взгляд гимназистки.

- Э, нет, это «Утро старого Тбилиси», на которое и я обратил внимание...

- А общая тональность отзывов звучала примерно так: от этих полотен веет добром и надеждой, они вселяют оптимизм; эти картины и фигурки снимают тяжесть с сердца, вселяют веру в лучшее.

- *И это свойство вашей личности и творчества тем более ценно и достойно восхищения, что судьба отнюдь*

не расстилала ковры на путях-дорогах вашей жизни.

- Да, вслед за трагической гибелью мужа, я потеряла одного за другим практически всех близких людей и осталась одна с дочерью на руках – это было невероятно тяжелое испытание.

- *Но давайте вернемся к вашему творческому пути.*

- После такого аванса от самого Ладо Гудиашвили я всерьез взялась за изучение живописи. Настольной книгой и базовым учебником стал для меня каталог Учи Джапаридзе. Не могу объяснить, почему за всеми вопросами я обращалась именно к его творчеству. Хотя ведь очень любила манеру исполнения и творческий подход Елены Ахвледиани, да и других художников. И все же... видимо, с Учей Джапаридзе сближал меня какой-то особый магнетизм, соответствие настроений, что ли. Я стала совмещать учебу на геологическом факультете ГПИ с посещением Академии художеств вольнослушательницей. Начала писать маслом, увлеклась графикой. Пришло и первое признание – награда на республиканской выставке. Но я не переоценивала достигнутого, по-прежнему считая себя ученицей. Ощущая нехватку знаний, поступила на факультет графики и живописи ТГУ. Особый интерес представляла для меня портретная графика. Одновременно работала по специальности (в то время была уже дипломированным геологом) и возобновила посещение Академии художеств. Не могу не вспомнить словами благодарности доброго и чуткого декана академии Гиви Мизандари и университетского преподавателя Мамию Ахобадзе, которым обязана многим, и прежде всего – обретением веры в себя. Помню, как-то подошла к профессору Ахобадзе – попросила подсказать решение проблемы, возникшей на холсте. «Сама ищи, - ответил он. - Моя задача – не подавлять, а раскрепощать творческое начало».

- *В 1981-1986 годах вы принимаете активное участие в студенческих, республиканских и всесоюзных выставках народного творчества, пробуете силы в различных жанрах изобразительного искусства, однако основное место в вашем творчестве занимает пейзаж*

▲ Нико Пиросмани

(«Старый дом в Кикетах» (1981), монастырь в Кахетии «Старый Шуамта» (1982). Резные балконы, узкие лесенки Старого Тбилиси: «зрелая» версия «удачи студенческих времен – «Утро в Старом Тбилиси» (1987). А что отличает образ любимого города той поры и последующей?

- Тбилиси моей юности был прозрачным, словно сотканным из солнечной паутины. А потом появилось ощущение тревоги, предчувствие катастрофы, и это выразилось в линиях, мазках, цветовой гамме. Но в этой гармонии – не только боль и страх за сегодняшний и завтрашний день, в них – вера в день завтрашний, день добра, милосердия, прощения и процветания. Порою композиция выстраивается как бы сама собой, сразу отображаясь на холсте («Коджорский лес», 1986), а порой складывается мучительно, и тогда работа тянется годами, делаются зарисовки, многочисленные наброски, эскизы: «Захлебнулся детский крик» (концлагерь Саласпилс) (1984), «Разбитое стекло» (1984).

Предметы грузинского быта, плоды грузинской земли – излюбленный материал для натюрмортов Элердашвили «Кавказское изобилие» (1987), «Три цвета граната» (1984). Скопился материал для первой персональной выставки.

- Она состоялась в 1988 году в издательстве «Мерани», где экспонировалось более 20 живописных работ, портретная графика и скульптурные миниатюры...

- Откуда возникло увлечение скульптурой?

- Случайно заглянула в мастерскую к подруге. Там и попробовала работать с глиной, впервые в жизни. И постепенно это меня увлекло безвозвратно. Скульптура сродни процессу зарождения жизни: сначала это

бесформенная животворная масса – завязь, потом – формирование «зародыша», и наконец – появление на свет теплого, живого существа. Я действительно считаю свои фигурки живыми. Эти скульптуры выполнены вручную от начала и до конца, до мельчайших деталей. Чтобы вдохнуть в них жизнь, требуется полнейшая самоотдача. Если вы подойдете ко мне, когда я работаю, я не увижу вас и не услышу. Много времени уделяю изучению литературы – костюмов, специфики народного танца. Но не только из книг можно почерпнуть интересующий меня материал. Такие типажи, как «Кахетинец, пьющий вино» или «Кахетинец, давящий виноград» я подсмотрела на ртвели в Телави.

- По названиям скульптур и композиций можно проследить широту охватываемой вами тематики: «Луарсаб и Дареджан», «Пиросмани», «Влюбленные», «Сплетницы», «Пекарня», «Загулявшие кинто», «Кутеж карачохели на плоту», «Нищий» и т.д.

- Идея связать мои персонажи сюжетной нитью родилась сразу. Я поставила целью возродить в миниатюре не только образы, но и жизнь улиц Старого Тбилиси с его бойкой веселой торговлей, романами, застольями, скандалами... Аристократы и муши – носильщики, кинто и мещаночки – я хочу, чтобы эта пестрая толпа пришла в движение, ожила.

- Динамичны и в отдельности взятые ваши миниатюры.

- Это – плод кропотливой работы над характерностью движений. Вот, например, «Танец кинто». Знаете, сколько шлака пришлось отбросить, прежде чем удалось найти два-три самых-самых темпераментных

▼ Рождество

▲ Мастерская художника

движения, которые могли бы выразить дух национального танца... Но вот они, допустим, найдены... А если не удастся передать огонь в глазах танцора? И вновь пускаешься в поиски...

- На советском телевидении была рубрика «Экранизация литературных произведений». А у вас я вижу «скульптуризацию» шедевров грузинской и мировой словесности.

- Да, это композиции известных всем книголюбам сцен из «Мачехи Саманишвили» Давида Клдиашвили, рассказов Нико Лордкипанидзе. Я «скульптурировала», как вы выразились, почти все новеллы О'Генри и многие рассказы Эдгара По.

Вернемся к этапам биографии художницы, имя которой занесено в справочник «Кто есть кто в грузинском современном искусстве», а также в немецкое издание «Всемирный биографический словарь художников».

В 1989 году состоялась творческая поездка Наталии Элердашвили в Москву. Коллекция ее скульптурных миниатюр экспонировалась в выставочном зале клуба кинематографистов.

Дальнейший отсчет непрерывной творческой работы Элердашвили начинается с 1997-го, когда многие трудности, связанные с гражданской войной и принесенной ею разрухой, остались позади. Наталия вступает в Союз художников Грузии. В 2000 году состоялась творческая поездка в Великобританию, где грузинская художница участвует в 15-й юбилейной выставке в Эдинбурге, в галерее «Хановер фajn артс». 2001 – персональная выставка в Национальном союзе дизайнеров Грузии. 2002 – персональная выставка в Национальной галерее искусств Грузии, где экспонировалось около 60 живописных работ. В том же году состоялась персональная выставка в Посольстве США в Тбилиси.

В 2003 году Элердашвили экспонирует живописные работы на персональной выставке в миссии ООН в Тбилиси. И в этом же году состоялась творческая поездка художницы в США, где Наталия принимает участие в выставке в галерее «Уорд Нассе» в Нью-Йорке.

В 2004 году Наталия организует персональную выставку в галерее «Копалла» в Тбилиси, экспонируя более 30 работ. В мае 2005-го приглашена организовать персональную выставку в галерее «Этиен Де Козанс» в Париже.

- Двадцать лет спустя отрадно констатировать, что теперь вы, в отличие от той поры – мастер признанный и лаврами не обделенный...

- Но я хочу обязательно отметить, что благодаря приходу в возглавляемое вами литературное объединение «Новый современник», открыла для себя еще один источник творчества – поэзию. На ваших музыкально-поэтических вечерах я не замечала времени. Я с удовольствием приняла предложение художественно оформить собранные под одной обложкой произведения членов «Нового современника», изданные «Русским клубом».

- Тем более что вы приняты в ряды нашей ассоциации.

- Самый мой близкий человек – дочь Тамуна, работает в одной из международных миссий, оказывающей помощь в развивающихся странах, за рубежом. И стихи стали для меня способом духовного общения с нею. Я стала страдать бессонницей и поняла, что если не буду периодически «выплескиваться» в поэтических строках, это может перерасти в депрессию. Попробовала – и наутро встала спокойной и бодрой, словно освободившись от тяжелого сна. И картины для выставок стала сопровождать стихами.

Владимир САРИШВИЛИ

▲ Владимир Бояринов

ОТКРОВЕНИЕ РУССКОГО ПОЭТА

Однажды Нодар Думбадзе, царствие ему небесное, пригласил меня в гости. Я работал над книгой «Вокруг Хазарула». «Хазарула» - рассказ Нодара Думбадзе, о котором Акакий Гацерелия сказал в своем эссе: «Такой рассказ, что хочется поцеловать».

Вечереет, сидим у маленького столика на кухне и молчим.

«Нанули, - обратился Нодар к супруге, - накрой на стол, а то, вижу, беседа не клеится».

Как правило, с наступлением темноты, голоса беседующих волей-неволей, становятся тихими, задумчивыми.

Хозяйка накрыла на стол хлеб-соль. Помидоры и огурцы, перец, сыр сулгуни, и поставила маленький красивый глиняный кувшин с вином.

«Я выпью пару стаканов, а ты как знаешь, - сказал Нодар, - а вино царское – Александрюли. Недавно гостил у меня земляк, поставил на стол вот этот кувшин и сказал: «Это Александрюли», о кувшине ни слова».

Наполнили стаканы вином и тамада, то есть хозяин, сказал первый тост – за мир.

Осушили стаканы, и Нодар обратился ко мне:

«Вот, скажи ты мне, форма главнее или содержание? - то есть, что из них главное? - спросил и замолчал. Задумался.

«Хорошо, когда они заполняют друг друга», - ответил я. Больше о форме и содержании не говорили, но вспоминали.

Пьем несравненный Александрюли и разговариваем тихо о том, о сем.

«Совсем стемнело, - сказал Нодар, - сейчас на земле, как вижу, ночь на целую голову перевешивает день, и сколько таких дней и ночей было на нашей планете, никто никогда не узнает».

«Какое тысячелетие на дворе?»

«Это у Пастернака от Леонидзе, - сказал Нодар, - он много переводил наших поэтов, знаешь, конечно».

«Знаю, но о такой параллели не думал».

«Думать, это хорошо. Как говорит Важа: «Туман – это думы гор, венец их мужества». Мужчина думает, женщина говорит. Вот, Нанули, видишь, одна на кухне, а все же говорит, сама с собой, а дай ей партнершу – разговор не кончится».

Часика два сидели, наверно, за столом в тот вечер. Наполнили последний раз стаканы, осушили, и Нодар взял красивый кувшин, наклонил, но в кувшине капли вина не осталась. Фафу, - сказал и добавил: а как ты теперь ответишь на мой вопрос: форма главнее или содержание?»

Форма есть. Содержания нет. Что ответить?

«Беру свои слова обратно», - сказал я.

«Слова свои обратно ты уже не можешь взять, и потом, сказанное уже тебе не принадлежит».

Недавно прочел – в одном интервью Хорхе Луис Борхес говорит, что главное – форма произведений, а не содержание. Но, по мнению Нодара Думбадзе, лучшее содержание, чем форма.

В тот вечер пить еще хотелось, но разошлись. Содержание кувшина иссякло.

О чем речь?

Речь о том, что вот теперь я сижу и пишу предисловие к книге избранных стихов русского поэта Владимира Бояринова, и постоянно вспоминается тот наш разговор – форма главнее или содержание?

Скажу сразу: в стихотворениях Бояринова главное и форма, и содержание. Они дополняют друг друга и создают великолепную гармонию, то есть форма и содержание в творениях Бояринова, как брат и сестра, как муж и жена, как любовники, как близнецы.

Бьется белье в наше окно,
Гаснет рябина.
Имя твое в мире одно
И триедино.

Бог любит Троицу. И что еще замечательно, сказаны эти слова в вечернее время, когда «гаснет рябина».

▲ Вручение награды отцу Владимиру

Стихи эти истинно православного поэта. Русского поэта иногда смешивают с российским поэтом.

Бояринов – русский поэт, национальный поэт.

Прасолов, Рубцов, Кузнецов, Передреев, Куняев, Балашов, Переверзин – русские поэты. Я говорю только о современных поэтах России.

Бродский, Кушнер, Рейн – российские поэты, и исходя из этого, у одних поэтов стихи российские, а у других – русские.

Все обуславливает мировоззрение поэта (язык поэта).

Есть поэты, которые, как бы стесняются назвать вещи своими именами. Говорят река, но не говорят, допустим, Кура. Говорят город, но не говорят Хашури. Говорят – мама, но не называют родную мать своим именем. И т.д. и т.п.

Такое отношение к своему окружению замечается

чаще у начинающих поэтов. И есть поэты, которые стареют и умирают как бы начинающими поэтами.

Здесь мне вспоминается высказывание современного поэта Эдуарда Балашова, который, к слову, очень высоко ценит поэзию Владимира Бояринова: «Мудрость – народная. Глупость – международная».

Лично меня как переводчика произведений Бояринова прежде всего притягивает к его поэзии его народность, его русскость.

«Что народно, то правдиво, что правдиво, то народно» (Галактион).

«Где нет правды, там нет Христа» (Архимандрит Рафаэль).

В.Бояринов – мастер стихотворений (рифма, ритмика, звук). И все свое мастерство он использует, чтобы, как можно проще высказать то, о чем он думает и что видит. Высказать просто, светло и понятно, народному, ближе, можно сказать, к песне. И огромная суматоха, в хорошем смысле, в его стихах: поют и заливаются соловьи, свищет дрозд, «пахнет сад антоновкой», «у пичуг тоска безысходная», «талый снег клюет синица», зябнет воробушек, воет волк, мается ветер, растет трава...

И зашла молодая трава
Там, где раньше лежали дрова...

И пейзаж сменяет пейзаж:

Удивительные берега!
Даже солнце застыло в зените –
Засмотрелось...

Таковы глаза поэта. Взор поэта.
Прочтем этот маленький шедевр.

В прибрежной роще снегири
Калину стылую склевали,
Что ты сказала? Повтори.
Я не расслышал за словами
Ни слез, ни смеха – все равно, -
Но не бывает середины,
Ее нам просто не дано,
И нет ее, как нет давно
На ветках выстывшей калины.

Но вернемся чуть назад. О песнях говорили. «Я все бы отдал вам, но что я могу дать вам лучше песни» (Галактион).

Посидели-покурили,
Выпили и повторили.
Он молчит и я молчу.
- Может, песню?
- Не хочу.

Я люблю таких спокойных:
Ни тебе речей окольных,
И ни жалобы, ни вздоха,
И когда красиво пьет.
Но тревожно мне и плохо
Что он песен не поет...

Вот отчего я вспомнил стихи Галактиона.

«Мне тревожно, - говорит поэт, - что он песен не поет».

Бояринов – поэт настроений, поэт нюансов. И его

настроение передается читателю. И грусть, и радость, и вдумчивость. И он не только передает, но и показывает нам свое настроение.

И потянулись стаями
Над домом журавли,
И с криками расстали
В темнеющей дали:
За росстанью, за озимью,
За речкою иной...
А я, как лист, что осенью
Примерз к земле родной.

Журавли улетают. Поэт остается. Журавли улетают туда, где лучше, разумеется. А поэт остается там, где хуже. У Адама Мицкевича есть гениальное высказывание (формула) о Родине. «Родина там, где плохо».

А я, как лист, что осенью
Примерз к земле родной.

Как будто лист может хоть как-то согреть родную землю – вот о чем должен думать читатель этого стихотворения. Но есть Родина еще шире, чем наша родная земля. Есть Вселенная, частью которой является наша Родина. То есть великая родина, увиденная с маленькой Родины.

Видели, видели вновь народился
Месяц у самой земли,
Вот он в озерной воде отразился,
Звезды вззошли.

Все ли они пребывает в движении,
Не было с ними беды?
Или увижу сейчас в отраженьи
Осколок звезды?!

Наш гений Бараташвили написал стихотворение «Думы на берегах Куры». Вышел поэт вечером, чтобы

развеять свои грустные думы, но увидел, что сам вечер грустен невероятно, грустна сама природа, и поэт уже думает не о себе, а о природе, о вечере, как бы помочь им.

Приблизительно такое настроение навеивает этот маленький шедевр Бояринова

Все ли они пребывают в движении,
Не было с ними беды?!

Планетарная. Всемирная грусть. Мистика.

Не может быть, чтоб женщина, хотя бы раз в своей жизни, не подумала, почему не родилась мужчиной. Вот также не может быть, чтоб любой из нас хоть раз в жизни не подумал о конце света, о чем нам сказал поэт, взор которого объемлет Вселенную, которая начинается с конкретной родины. Скажем с Ижоры, как у Пушкина, или кончает думать о родных местах, как у Бояринова.

Облако. доброе облако,
Светлая голова,
Возьми ты меня на родину,
На речку мою Смородину,
Где новые покровы.

Облако, доброе облако,
Очень верится мне –
Дома все переменится,
Все еще переменится
На родной стороне...

А на родной стороне:

И старики глядят, и дети
С поблекших снимков... и меня
Никто на целом белом свете
Не встретит больше у плетня...

Пустошь! Как в одноименном стихотворении Буни-

на. Пустеет деревня, растёт город. Но где бы не был поэт, Родина везде и всюду с ним.

Где мое сердце упало –
Там похоронена мать...

Но Родина – не только то, что теперь есть, не только настоящее, она – наше прошлое и наше будущее.

Птица вскинулась, кинулась прочь,
Схоронилась в траве, как подранок,
Я услышал в степи в эту ночь
Скрип тележный и плач полонянок...

В эту ночь, - говорит поэт, услышал то, что было, ибо то, что было, будет всегда, и всегда с нами, а что с нами, уже не наше, а принадлежит будущему. Так соединяется эта троица: Прошрое, Настоящее и Будущее. И все же, главное – будущее, главное – завтра, а завтра это наши дети, которые сидят за партой и в синих тетрадях записывают заветное слово.

Не ради нас – грядущей жизни ради –
Напишут дети в синие тетради,
В усердии дыханье затая,
Они напишут: «Родина моя...»
И суть не в этом – кто выведет ровнее,
А чтобы слов тех не было роднее...

Вот таким образом, в этом единственном слове – Родина – собираются все слова Владимира Бояринова, что обуславливает мировоззрение поэта.

В этом эссе я хотел еще о многом сказать. Сказать, о том, что ни на кого не похожа поэзия В.Бояринова, сказать о доскональном знании поэтом истории своей Родины, сказать, о своеобразии его поэтического языка, чем и выделяются настоящие поэты друг от друга. Сказать еще о множественных нюансах в стихах мастера, но надо и честь знать, не отнимем радость узнавания у любителя истинной поэзии. Притом вспомним и то, что нам говорит сам поэт.

Но куда нам торопиться,
Если вечность впереди?

Это эссе я начал с разговора о форме и содержании, а по дороге, совсем как-будто позабыл о них. Позабыл потому, что они так гармонично и так естественно и так незаметно дополняли друг друга, как это бывает только в народной словесности, только в фольклоре, где каждое слово всегда на своем месте, ибо каждое слово, как правило, обязательное.

Ты роди мне сына
Бел-белее сыра.

Ты роди мне дочку
Белого снежочку.

Когда вздумаю – поеду.
Куда вздумаю – заеду.

К дочке – на две ночки,
К сыну – на неделю.

Такие стихи запоминаются с первого прочтения навсегда, наизусть, потому что таковы их форма и содержание. Звук. Музыка. Не зарифмована последняя строка, но мастер, оттого и мастер, что его искусство словосочетаний навсегда остается в нашей памяти.

В этих двух строках глубокое знание народной традиции. То есть, что было, что сейчас и что будет. Глубокое знание самого народа. В одном интервью, крупный поэт Юрий Кузнецов, волей ли или неволей, обмолвился, что Пушкин не знал народа, о чем, еще в 1876 году сказал Достоевский: «Пушкин – сам народ». Но что касается именно формы и содержания скажем, они всегда вместе, и их ничем не разнять.

Когда в кувшине нет ни капли Александрои, он полон небом.

Мурман ДЖГУБУРИЯ

ЭТОТ СТРАННЫЙ МИР ТИМА ЧИГИРИНА

*Возможно, жизнь не совсем то,
за что она себя выдает.*

Тим Чигирин. Сага о Рукоятке Зонта

Проза Тима Чигирина – явление в современной литературе столь необычное, что о ней трудно писать, используя привычную литературоведческую терминологию. «Облако тегов» (Тим Чигирин. Облако тегов: Саги и плачи. СПб.: Коста, 2011) – это собрание малоформатных произведений, жанровая природа которых несколько опрометчиво, на мой взгляд, определена автором как «саги» и «плачи». Если для Саши Соколова, например, «Облако тегов» – это «книга зловещих видений», то для Виктора Брегеда – художника-сюрреалиста, чьи работы красуются на обложках чигиринских книг, – это «дневник сновидений».

Шестнадцать саг – это шестнадцать «проб» переживания реальности героем «без родословной». Это не гомотетик, не интеллигент постсоветского времени, не западный конформист, не бунтарь-одиночка, не «гражданин мира», не диссидент и не деклассированная личность без постоянной прописки. Это тот, кто не «над» и не «под» социумом, а вне социума изначально. Если угодно – вне мира, но очень даже «в себе». Весьма странным должен казаться мир тому, кто видит во внешнем

его слое мифологическую изнанку. Но не обманчив ли сам внешний слой? Чтобы избежать смертельной стычки с бандой подростков в лунную ночь, герою не остается ничего иного, как воспарить по воздуху. Но самое интересное ждет его впереди, на «том берегу» жизни («Сага об Именах Существительных»). Читая саги Чигирина, ловишь себя на мысли, что если это и сюрреалистические видения, как в этом нас уверяют критики, то слишком уж они материально ощутимые, рельефные, апеллирующие не только к зрению, но и к слуху, осязанию, обонянию читателя. Собственно говоря, нет у прозаика грани между реальностью и вымыслом, не заботится он о самочувствии рядового читателя, растерянного и озадаченного: если уж принимать за исходный постулат положение, что вся художественная литература – это вымысел, то ведь есть же и конвенция между автором и читателем: что в этом вымысле надо принимать за реальность, а что за сон, видение или грезу. Поэтому читать Тима Чигирина нелегко: отточенный и прозрачный язык уверенно ведет нас в мир без опоры, как если бы к твоим ногам приделали ходули, но не удосужились их снять, и вот ты бредешь пошатываясь к костру, думая о том, что несгораем один лишь последний оскал мысли («Сага о Двух Шестах и Виноградных Косточках»). Некоторой опорой читателю могли бы служить просвечиваемые сквозь сюжет саг контуры мифов и притч, но архаические коды современным читателем, увы, утеряны, и ему приходится лишь скользить по блестящей поверхности.

Пафосная концовка «Саги об Овчинном Тулупе» – едва ли не единственное исключение из чигиринских правил. Радикальный противник длиннот, литературных прятностей и избыточных кружев не может укоротить предложение, где с каждым придаточным оборотом навинчивается еще один виток одиночества – до тех пор, пока мелодия фразы не выдыхается сама: «Когда все слова кончились, он, по примеру идиотов, стал мыслить глазами. Последнее, что запомнили зрачки Эгля – как его, лишённого дара речи, исхлестанного веревками грязных водорослей, слепящего от искристого помета проносящихся косяков рыб, утыканного иголками неведомых портных, пригвожденного ко дну огромной белой раковины, как его, стынущего на дне мирового океана, укрывает овчинным тулупом Отец».

В «Облаке тегов» много сложных метонимических и метафорических ходов, неочевидных сравнений, странных замещений и метаморфоз: шест может стать продолжением ноги («Сага о Двух Шестах и Виноградных Косточках»), а зонт – руки («Сага о Рукоятке Зонта»). Мир чигиринских саг расколот на множество фрагментов в сложно структурированном пространстве: переброшенный через ущелье трос соединяет два непохожих топоса, но ведь есть еще и нижний ярус, где протекает жизнь неведомого племени с непонятными для зависшего над пропастью героя обычаями и своим автономным солнцем («Сага о Рукоятке Зонта»). Двух героев другой саги разделяет, казалось бы, тончайшая преграда, но она непреодолима: персонаж находится в огромном мыльном пузыре со своим звездным куполом и пастбищами («Сага о Двух Словах»). Героя чигиринских саг и его рассказчика нисколько не заботит дефрагментация – процесс собирания разрозненных частей мира в единое целое. Каждая часть мира живет у него по своим особенным законам: здесь своя физика и своя геометрия. Шизоидный дискурс повествования, разумеется, вызовет чувство дискомфорта у той части читательской аудитории, которая привыкла к успокаивающим схемам обобщений, позволяющим собрать из пазлов всю картинку. Мало того, что раздроблено пространство, само время у Чигирина поделено на дискретные сегменты, которые хочется порой (о, нетерпеливый читатель!) привести в движение одним нажатием кнопки. Но стоп-кадры нужны автору, чтобы мифологическая изнанка события обнажила свою праструктуру.

Новаторство Тима Чигирина особо зримо проступает в «Саге об Именах Существительных». Сталкивая привычные и непривычные, или, говоря научным языком, узуальные и окказиональные значения слов (причем последние выведены самим рассказчиком), прозаик достигает поразительного эффекта: знакомые каждому человеку с детства предметы и части тела открывают свои потаенные смыслы, вступая друг с другом и с миром в самые неожиданные и непредсказуемые отношения. Чудесное в чигиринском мире всегда рядом с героем: стоит лишь изменить положение тела в пространстве или сменить оптику – и мир меняет свое обличье. Как заметил один читатель, «окружающий мир и предметы служат продолжением человеческого тела (тела – тоже как предмета) – это вещи, приобретающие разные значения в зависимости от угла зрения и использования частей тела. Ноги, руки являются функцией вещей, окружающих человека: улица требует его силуэта, земля – его ног, булка и бутылка – его рук. Ноги устремлены к превратностям земли, руки – к сокровищам неба». Дом, куда может прийти герой, не похож на дом, куда он прийти не может, потому что в доме, ждущем хозяина, предметы имеют другие значения. Чтобы приблизиться к миропониманию автора, надо привести хотя бы одно из определений саги: «Дом – телесная часть человека, избранное место для размещения различных органов во времени».

Двадцать пять плачей – это двадцать пять различных состояний сознания. Если в сагах рассказ ведется от третьего лица, то в плачах – от второго (в значении первого). Не так уж далека от истины Анна Кузнецова, когда замечает в «Знамени», что сюжет чигиринских рассказов «всегда один – пограничное состояние сознания и шаг за грань земного бытия». Однако нельзя не заметить и принципиального различия между рассказчиком саг – равно отстраненным от героя и читателя наблюдателем-протоколистом, и рассказчиком плачей, отождествляющим себя с героем. Интонация плачей – предельно-доверительная, исповедальная, даже когда речь идет о сугубо онтологических вещах: «Не забывай о дожде. С него все началось, им все и закончится (клянусь). Сперва ты был мыслью о дожде – хлипкой как сопли младенца. Потом ты вобрал в себя его структуру, все его силовые линии, чувствуя себя дырявой сеткой без опоры. После ты смешался с сырой землей и стал подкарауливать жизнь, принимая любое бульканье за ее приметку. Все время хотел восстать из праха, но удерживался кем-то до поры. И вот шлюзы спущены: ты воссоединился со своим я. Правда, глаза (если они тебе даны) лучше открыть не сразу: переигровки не будет».

На одном из литературных диспутов мне довелось стать свидетелем жаркого спора между филологами: одни причисляли малую прозу Тима Чигирина к неоромантизму, другие – к сюрреализму, третьи – к магическому реализму. Возможно, время все и всех расставит по своим местам. Мне лично кажется, что ни к одному из известных -измов это творчество не сводится.

Чигирин-драматурга мало что роднит с Чигириним-прозаиком. Свои первые драмы автор представил на суд читателей и зрителей в 1990-е гг. В новый сборник (Тим Чигирин. Глот и Горт: Драмы. СПб.: Коста, 2011) наряду со старыми пьесами вошли новые – всего 13 произведений (из них один триптих и два диптиха). Пьесы очень компактны – несмотря на обилие сценических эффектов, некоторые предназначены для чтения.

Основное направление, в котором работает драматург, – драма постабсурда. Она отличается от драмы абсурда тем, что ее содержанием является не «абсурд без берегов», а абсурд строго логизированный и упорядоченный («Улитка готовится умереть», «Клюв и сердце», «Там и здесь» и др.).

В прессе уже писалось о том, что Тим Чигирин – создатель и разработчик так называемого зонтичного театра. Зонт является как продолжением руки актера, так и его

«лицом». Лицо актера на протяжении всего действия скрыто под зонтом (когда зонт необходимо сложить, лицо погружается в темноту). Главное в этом театре – голос (каждому типу соответствует цвет зонта) и движение. В книге представлена первая зонтичная драма – «Тихая Азия». Думаю, чигиринские эксперименты отчасти продиктованы тем, что традиционный театр в последние десятилетия захирел, стал терять зрителя.

Главное достижение Чигирин-драматурга – драма «Глот и Горт». В первой части диптиха действие происходит в приюте для престарелых, во второй – в клинике для душевнобольных. В борьбе с навязанной им «постылой» реальностью приюта и клиники персонажи драмы демонстрируют чудеса изобретательности. Так, перебрасываемый от одного к другому клубок шерсти становится «по умолчанию» то «птичкой», вылетевшей из фотоаппарата, то «мышью», чтобы затем, пройдя через ряд превращений, вновь обрести свойства клубка. Сложные языковые игры, инсценировки исторических ситуаций нужны героям не только для того, чтобы прожить бессобытийное время казенных будней. Воссоздание одного из трагических эпизодов древнегреческой истории (казнь Фокиона) завершается гибелью двух персонажей, осуществивших свободу выбора; двое других, пройдя через ряд испытаний, спасаются верой.

Драма «Глот и Горт» – своеобразный (хотя и запоздалый) ответ на тот вызов, который был брошен в свое время драмой Беккета «В ожидании Годо».

Творчество Тима Чигирина – в высшей степени оригинальная страница в истории новейшей русской словесности. Оно обнажает новые глубины в исследовании внутреннего мира отчужденного от социума человека, воспринимающего мир как мифодраму, а жизнь как сакральное действие. В свое время М.Л. Гаспаров оценил творчество Чигирина следующим образом: «Это такая настоящая словесность, которая существует сама, без автора». Чем совершеннее продукт, тем меньше он нуждается в авторском прикрытии.

Владимир СЛИВА

▲ Инга Гаручава

СОЧИНИТЕЛЬСТВО БЫЛО ЕЕ СТИХИЕЙ

СОЮЗ ТЕАТРАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
ВСЕРОССИЙСКОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Дорогие коллеги!

Нас всех постигло большое горе. Ушла из жизни прекрасный драматург, сценарист – Инга Гаручава. Ее пьесы, написанные в соавторстве с мужем – Петром Хотяновским ставили во всех городах СССР и продолжали ставить уже после распада большой

страны.

Пьесы-притчи, наполненные лиризмом, иронией, мудростью этого уникального творческого семейного союза были известны и за рубежом – они получали самые престижные премии. Авторы приезжали на премьеры, а потом возвращались в свой родной Тбилиси, где творили вместе почти пятьдесят лет.

Ингу Гаручаву знали, любили во всей театральной России. Это горькая потеря не только Грузии, но и всей России. Светлая память об этой талантливой женщине, удивительно светлом человеке сохранится в наших сердцах, ее произведения сохранятся в истории культуры. Низкий ей поклон. Мои самые искренние соболезнования Петру Хотяновскому. Я представляю как Вам тяжело,

Александр КАЛЯГИН

Их было двое – неразделимая пара, так их и называли в посланиях: Инга-Петя. Так и у меня в Интернете, в разделе Грузии, и не собираюсь менять. Полное, завидное, удивительное единство во всем – в жизни, в творчестве, в круге друзей, в интересах. Хотя, казалось бы, странно: режиссер Инга и геолог Петр; разные судьбы до встречи – могли, вероятно, не встретиться, и тогда... Но «тогда» не приходит на ум, такой вариант невозможен. Каждый из них принял судьбу другого, как свою, со всем привходящим – родней, склонностями, болезнями. А поверх всего возникло и это уникальное содружество, этот тандем драматургов, где непонятно (да и неважно), что от кого исходит, кто в чем силен. Было единое «мы»: мы придумали пьесу, мы пишем, нас ставят...

Сочинительство было их стихией, властной потребностью обоих. И сейчас вижу перед собой милое лицо Инги с неизменной сигареткой и сосредоточенного Петра в те тихие и долгие часы, когда они уединялись у меня в лоджии, огражденные от московского шума и смога зеленой листвой сада, и колдовали над новой пьесой.

Запасник мой в Интернете ломится от их пьес – разных, порой с причудливыми сюжетами, но всегда страстных, узнаваемых по первым строкам, выросших на грузинской почве, хотя и русскоязычных. Их бы издать одним томом, с двойным портретом на обложке. Лучший был бы памятник Инге и лучшее занятие для Петра, верное средство от одиночества.

Татьяна ШАХ-АЗИЗОВА

Очень тяжело прощаться с талантливыми людьми. А если они близкие друзья, то утрата особенно тяжела.

Инга Гаручава была нашим другом, автором, партнером - дорогим для нас человеком.

Нет слов, чтобы высказать скорбь и боль.

Остались пьесы, которые еще долго не сойдут со сцен лучших театров страны. Остались рассказы и стихотворения Инги.

А значит, она не ушла бесследно.

Светлая память.

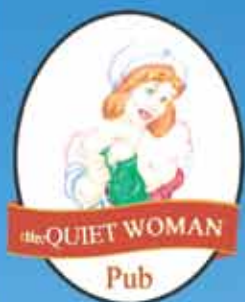
**Тбилисский государственный академический
русский драматический театр
им. А.С.Грибоедова
Международный культурно-просветительский
Союз «Русский клуб»**

Diazza
Boutique Hotel Batumi

Piazza Batumi

18 июля 2013

В рамках VI Международного
русско-грузинского
поэтического фестиваля
«Во весь голос»

Концерт Мананы Менабде «Сны о Грузии»

посвящается
сестрам Ишнели

Начало концерта в 22⁰⁰
Вход свободный

Бронирование столиков по номеру телефона:

+995 592 31 00 66, +995 568 77 24 68

www.piazza.ge / info@piazza.ge

www.facebook.com/BatumiPiazza

1512-2972